

Предложенные пути к свободе

Бертран Рассел

1920

Оглавление

Вступление	3
I. Былое	7
1. Маркс и доктрина социализма	7
2. Бакунин и анархисты	20
3. Синдикальный бунт	29
II. Думы	41
4. Труд и оклад	41
5. Власть и право	49
6. Международные отношения	59
7. Культура при социализме	67
8. Мир, каким его можно сделать	74

Вступление

Порыв вообразить общественное устройство, лучшее, чем вся жестокость и неустроенность прошлого, совсем не нов. Он состарился как минимум с «Государством» Платона — образцом для проектов последующих философов. Кто бы ни смотрел на мир идеалистически и какими бы идеалами он ни руководствовался (будь то разум, искусство, любовь, счастье или всё перечисленное), наверняка не раз взгоревал по поводу обилия того злого, что поддерживают безо всякой нужды. Не одним человеком, исполненным жизненной силы, овладевала острая потребность повести людей к воплощению того хорошего, что питает его творческое видение. Такие именно потребности изначально двигали первооткрывателями социализма и анархизма, как и до них — сочинителями совершенных форм человеческого общежития. Не в этом вклад социалистов и не в этом новизна анархистов, а в апелляции утопических идеалов к житейским страданиям, позволившей бумажным проектам мечтателей найти выход в мощных политических акциях. Вот чем эти две идеи важны и опасны как сознательным, так и слепым защитникам язв современного общества.

Подавляющее большинство людей идут по жизни ни к чему не приглядываясь, ничего не оспаривая как в своей судьбе, так и в мире вообще. С рождением они занимают определённое место в обществе и всё принимают без какой угодно вылазки за пределы сиюминутных нужд. Обходятся почти одним животным инстинктом, в будущее не заглядывают — им и в голову не приходит, можно ли достаточными усилиями в корне изменить условия жизни. Известный процент честолюбцев так погоняет свою мысль в направлении средств оказаться среди счастливых. Но весьма немногие из дальновидных людей всерьёз пекутся о достижении всеми желаемого для себя. Это исключительные люди, которым любовь к человечеству не позволяет терпеливо сносить засилье зла в мире безотносительно к тому, как это повлияет на их собственные жизни. Чувствительные к чужой боли, они ищут выхода в теории и на деле, ищут новое общественное устройство, позволяющее людям жить богаче, полнее и приятнее, чем здесь и сейчас. Но именно жертвы несправедливостей, ради которых всё делалось, никогда не интересовались такими проектами. Самые обиженные всегда были также обижены образованием, энтузиазмом, силами, досугом, покоем, дерзостью, надёжностью и чувством собственного достоинства — вследствие своего вырождения. История показывает, что в такой публике бесполезно воспитывать сознательность, разумность и инициативность. Иное дело нынешний мир, где котором ум рабочего человека и эталоны его комфорта стремительно развиваются. В наш век действуют совсем другие условия, и радикалам (в большей степени социалистам, в меньшей — анархистам) есть где развернуться.

Что я предполагаю наиболее замечательным в социализме и анархизме, так это логическую связь политических акций с предложенными идеалами мироустройства. Отдельные писатели вывели эти идеалы в своих книгах, и они оказались достойны-

ми того, чтобы влиятельная часть трудящихся положила их в основу своей практики. В социализме это очевидно, однако в анархизме — не без оговорок. Как таковой анархизм никогда не был «на устах у всех», лишь в форме синдикализма он приобрел популярность. В отличие от анархизма и социализма, синдикализм произошёл не от идеи, а от существующей организации: сперва возникли профсоюзы, а затем разработали идеал, достойный профсоюзов (прогрессивных французских — «синдикатов»). Но корень идеала суть анархистский — можно видеть в синдикализме анархизм рынков в противоположность анархизму отдельных личностей. Отведением столь важной роли профсоюзам анархо-синдикализм выступает примером союза нематериальной идеи с реальной организацией и потому заслуживает быть поставленным в один ряд с социалистическими партиями.

В Новой истории социализм и анархизм вышли на очередной виток развития благодаря усилиям Маркса и Бакунина, которые всю жизнь не ладили и так довели Интернационал до раскола. Этими двумя персонажами я и должен буду начать: от их учений перейду к вдохновлённым ими организациям. Мы пройдем весь путь социализма к сердцам миллионов наших современников, а затем отречёмся от него (за апологию государства и политического участия) вслед за синдикалистами, после чего рассмотрим влияния анархо-синдикализма за пределами Франции: ИРМ в Америке и гильдеизм в Англии. По этому историческому обзору мы должны найти выход из затруднений нашим идеалам, а также выяснить, в каком смысле будет счастливо человечество, если победят социалисты или синдикалисты.

Я убеждён и считаю необходимым оговорить сразу, что чистый анархизм, к которому надо стремиться, всё же недостижим. Современное общество сможет просуществовать без власти лишь считанные годы. С другой стороны, марксизм и синдикализм, хоть и с грехом пополам, но разработаны именно так, чтобы действительно сделать мир приятнее и лучше. Всё равно, однако, я не считаю их наиболее пригодными на практике. Уж слишком многое позволяет государству марксистская идеология. А синдикалисты, хоть и отрицают государство, но вынуждены будут восстановить централизацию власти, чтоб прекратить соперничество различных производителей. Из всего выполнимого на практике наилучшим вариантом я нахожу гильдейский социализм, признающий доводы и государственного социализма и синдикальной антигосударственности, надеющийся на профессиональный федерализм из тех же соображений, какими оправдывают федерализм народов. Обоснования для таких выводов буду излагать по мере подготовки читателей.

Перед отбытием в недавнее прошлое утопий нелишне обрисовать основные черты характера политического идеалиста, которые многими просто не поняты, в том числе из предвзятости. Это необходимо для иллюстрации причин его неизбежной беззубости.

В целом, лидер передовых течений отмечен обострённым чувством справедливости, и это видно по его карьере. Явно не будучи обделённым способностями, проталкивающими людей к власти, он не дирижирует миром вокруг себя, не наживает достатка, не пользуется аплодисментами современников. Добывчивый и трудолюбивый не в меньшей степени, чем его победители, идеалист сознательно придерживается проигрышной политики. Нужно понимать, что цель его жизни не в личном успехе. Какой бы налёт своекорыстия ни пристал к отдельным главам его

биографии, живёт он не ради себя. Многие первопроходцы социализма, анархизма и синдикализма выбрали тюрьму, изгнание и нищету вместо отречения от своей пропаганды. Своим поведением идеалист проявляет сильнейшую надежду на что-то хорошее для человечества, а не для себя самого.

Но хотя не что иное, как искренняя забота о счастье людей руководит поступками идеалиста, в его лозунгах проглядывает скорее ненависть, чем любовь. Терпимым мало что изменишь, и такой человек обосновывает ненависть досаждающим ему противлением счастью человечества. Чем меньше корысти видит в себе борец, чем меньше сомневается в идее, тем болезненнее он воспринимает неудачи. Часто у него развивается даже философское спокойствие по отношению к апатии масс, а то и к явным реакционерам. Однако ни при каких обстоятельствах он не простит тех, кто декларирует такую же потребность в спасении человечества, но метод избирает другой. Без фанатичной веры в идею выдержать политические репрессии невозможно, однако такая вера представляет идею настолько очевидной, что оспаривать её можно лишь из недостатка честности, диктуемого злонамеренностью и вероломством. Так воспитывается сектантская психология — узколобая ожесточённая ортодоксальность, которой страдают мученики непопулярных убеждений. Когда так просто обольститься изменой, оправдана подозрительность. Идеалист свои не растраченные на карьеру амбиции воплощает не только в расширении интеллектуального влияния, но и во внутрисектантской деспотии. Вот почему реформаторы вынуждены отпочковываться от материнской школы — ненавидимыми ненавидеть и обвиняемыми обвинять (например, в подкупе полицией). Своим авторитетам они приписывают свои убеждения и пытаются втиснуть их в рамки своих лозунгов. В результате тот, кто пожертвовал всем ради человечества как будто вдохновлён злобой, а не состраданием — так видится случайному и лишённому воображения наблюдателю. Догматизм душит разум идеалиста, отчего интеллигенции сложно найти общий язык с радикалом, целям и почти всей программе которого даже сочувствует.

Ещё одна причина непонимания обывателями лежит в абстрагировании идеалиста от общественного мнения и в его враждебности к действующим порядкам. И хотя он верит в право людей на лучшую жизнь, нелицеприятное знание жестокости обычаев обнаруживается в так называемых циничных высказываниях. Большинство людей придерживается двойной морали: одна нравственность для своих, а другая — для парий. Идеалисту свойственно солидаризоваться как раз с париями, среди которых, конечно, и военные неприятели, и преступники. Те, кого кормит и защищает действующий строй, отнесут к париям и проповедника значительных политико-экономических перемен, и все классы, которые по бедности и приниженности близки к опасной точке недовольства. Редко когда обыватели задумываются о положении идеалиста и покровительствуемых им классов. Всякий верит, будто является добрейшим человеком, поскольку не желает зла никому из своих. Однако радикала интересует далеко не идиллия в лагере «своих», а то, как обращаются эти «свои» с объектами их ненависти и страха. При таком напряжении может проскочить чудовищный разряд, и люди проявят себя не с лучшей стороны. Враги капитализма научены историей, что такой разряд испускается буржуазией и государством против трудящихся, восстающих против бремени индустриальной цивилизации. И видим тут совсем иной взгляд на общественное устройство, отличный от взгляда

обеспеченных людей, не менее правильный, а может, и неверный, но в любом случае обоснованный.

Классовая борьба подобна войне между народами, она порождает две непримиримые «правды», каждая из которых в одинаковой мере неправа. Солдат на войне знает своих соотечественников из личного опыта, по своим друзьям и семье. Соотечественники для него — добрейший и достойнейший народ. Однако неприятельскую страну такой солдат изучает совсем по другому опыту: по свирепости битвы, по вторжениям в его родные дома, по притеснению его земляков, по дипломатическому лицемерию. Враги, проявляющие себя этими поступками, для кого-нибудь тоже являются мужьями, отцами, друзьями. Так капиталисты по незнанию и самостою видят в революционере исключительно цинизм. Однако взгляд изнутри общества ничуть не лучше взгляда извне. Для достижения истины оба взгляда одинаково необходимы. Абстрагирующийся от общественного мнения социалист не является циником, он просто друг трудящихся, которого выводит из себя зрелище мучительных издержек капиталистического развития.

Всеми этими соображениями я предваряюсь ради читателей, чтобы за резкостью и озлобленностью революционера они смогли разглядеть движущую им пламенную любовь. Непросто удержаться от ненависти к палачу наших близких, однако вполне возможно. Широта Кругозора и Полнота Понимания — вот те музы, которые не должны смолкнуть при грохоте оружия. И если не всегда социалисты с анархистами достигают высоких степеней мудрости, в этом они ничем не отличаются от их противников. Благодатный источник их вдохновения стократно превосходит безотчётное праздное соглашательство с государственным гнѐтом и социальной несправедливостью.

I. Былое

1. Маркс и доктрина социализма

Подобно всему жизненному, социализм скорее настроение, чем сформулированная доктрина. Если подводить под него дефиницию, его придётся разглядеть в идеях, на социалистические мало кому похожих. Либо, наоборот, исключить то, что многие социализмом и назовут. Первое приближение к сущности социализма я усматриваю в апологии общинной собственности на землю и капитал. Общинная собственность может подразумевать владение государством, если только государство демократическое. Возможна общинная собственность и при анархо-коммунизме, когда владеет вольная общность людей, не знающих никакого государственного принуждения. Иные социалисты ожидают внезапного и полного утверждения общинной собственности вследствие революционной катастрофы, прочие ждут, когда это случится постепенно, отрасль за отраслью. Кое-кто настаивает на полном присвоении земли и капитала народом, а кому не страшны и отмирающие островки частной собственности. Что характерно для всех социализмов, так это демократичность и отмена, фактическая или полная, нынешней капиталистической системы. Социалистов, анархистов и синдикалистов отличает друг от друга именно то, как они понимают демократию. Ортодоксальные социалисты грезят парламентаризмом, который избавится от своих пороков при устранении капиталистических отношений в обществе. Анархисты и синдикалисты против парламентского аппарата как такового, политические дела общины они предлагают решать иначе. Но для всех трёх учений демократия не совместима ни с какими привилегиями, ни с каким искусственным неравенством: так говорят современные друзья труда. Экономические выкладки трёх доктрин во многом совпадают: капитал и заработная плата выступают орудием эксплуатации трудящегося в интересах правящих классов, а свободу производитель обретёт нигде иначе, как только в общинной собственности. Дальше трём доктринам не по пути, что даже те, кто претендует называться социалистами, существенно непримиримы во взглядах.

Как сила общеевропейского размаха социализм начинается с Маркса. Согласен, что предшественники, английские и французские, были. Даже больше того: в считанные дни Июньской революции социализм имел наибольшее влияние. Однако предшественники Маркса в погоне за утопическими грёзами не потрудились основать устойчивую политическую партию. Марксу и Энгельсу предстояло как разработать логически связную доктрину, удовлетворительную для широких масс, так и организовать международное движение, за последнее поколение не прекратившее разрастаться.

Кто хочет понять марксизм, должен кое-что знать о Марксе. Мыслитель родился в 1818 году в городе Трире Рейнской провинции Пруссии, в семье судебного чинов-

ника — еврейского выкреста. В различных немецких университетах Маркс изучал право, философию, политическую экономию, историю. На занятиях по философии он забил себе голову учением Гегеля, как раз переживавшего свой звёздный час, и некоторые положения гегельянства неотступно преследовали Маркса до самой смерти. Подобно Гегелю, Маркс усмотрел в историческом процессе вызревание Идеи. Все исторические события задают своеобразное логическое развитие, один этап которого сменяет другой революционно. Понятие антитезиса и вселенскую революционность в противоположность эволюционности молодой Маркс усвоил накрепко. Однако гегельянскую конкретику Маркс перерос по взрослению. Будущего социалиста заметили как выдающегося студента, и сытая профессорская карьера ему очень даже улыбалась. Но политические интересы и радикальные взгляды совратили Маркса на более тернистую дорогу. В 1842 году он пошёл редактором в газету и добился того, что в следующем году её запретили. Свои прогрессивные идеи Маркс отправился приютить в Париже. Там он прославился социалистом, ознакомился со своими французскими предшественниками¹, а в 1844 году обзавёлся другом на всю жизнь. Энгельс к тому времени успел попредпринимать в Манчестере, где его приучили к английскому социализму². В 1845 году Маркса выслали с Парижа, и, прихватив Энгельса, он отправился на проживание в Брюссель. Там они основали Союз немецких рабочих и правили в редакции газеты Союза. Слава о бурной брюссельской деятельности дошла до Союза справедливых в Париже. В 1847 последовало приглашение Марксу и Энгельсу помочь разработать манифест. Знаменитый Манифест коммунистической партии появился в январе 1848 года. В нём впервые обнажилась Марксова теория. Месяц спустя, в феврале, вспыхнула революция в Париже, а в марте — и в Германии. Гидра революции вынудила напуганный Брюссель выслать Маркса из Бельгии, однако и позволила ему вернуться в Германию. Снова газета, снова проблемы с властями, но на этот раз посерьёзнее. В июне 1849 редактируемую Марксом газету закрыли, а самого его выслали с Пруссии. Опять Париж — выслали и оттуда. Марксу пришлось бежать за Ла-Манш — Англия тогда была убежищем друзей свободы — где он и умер в 1883 году, успев попроповедовать.

Немалую часть его жизни съело составление великой книги «Капитал» (первый и важнейший том вышел в 1867 году, остальные два изданы посмертно), последние годы Маркса также занимало формирование и расширение Международного товарищества рабочих или Интернационала. С 1849 года он чуть не жил в Британском музее, где с подлинно немецким педантизмом накапливал компромат на капиталистическое общество, не теряя влияния на Интернационал. Зятя у Маркса завелись

¹ Из них выдаются Фурье и Сен-Симон, увлечённые воздушными замками социалистического общежития; Прудон, с которым Маркс поддерживал не вполне дружеские отношения, — предтеча скорее анархизма, нежели ортодоксального социализма.

² Таковой удостоился похвалы в Марксовой «Нищете философии», поскольку тоже пытался исходить из трудовой теории стоимости Давыда Рикардо. Английские социалисты всё же не унаследовали широты кругозора отечественного экономиста. Среди таковых стоит назвать Томаса Годскина — морского офицера, уволенного за критикующий поддержание флотской дисциплины памфлет, и автора «Защиты труда от притязаний капитала». Также замечательны Уильям Томпсон, сочинивший «Инкуири инта з'Принсиплз оф Дистрибьюшн...» и «Лэйба риводэд», а также Пирс Рейвенстон, от идей которого произошли идеи Годскина. Важнее всех их нужно считать Роберта Оуэна

не в одной стране, они ему служили, как Наполеону братья, философ подогревал свой энтузиазм семейными дискуссиями.

Наиважнейшие доктрины Маркса сводятся к трём: материалистическому пониманию истории, закону накопления капитала и классовой борьбе.

1. Материалистическое понимание истории. По Марксу, все общественные явления происходят из материальных условий, воплощённых в экономических отношениях. Государственные институты, законодательство, религия, философские учения — всё в целом суть выражение экономического строя общества, возбуждающего политику и культуру. Не совсем честно приписывать Марксу признание ограниченности людей экономическими интересами, скорее речь о детерминированности характеров и мнений экономикой. Через призму своей теории Маркс обращается к двум революциям: в прошлом и в будущем. Первую буржуазия осуществила против феодалов, чему примером выступает Великая французская революция. Грядущая же революция будет осуществлена уже против буржуазии наёмными рабочими или пролетариями ради торжества социализма. Весь ход истории кажется Марксу не случайным, а обусловленным материально. У него не столько апология, сколько предсказание социалистической революции. Да, он признаёт её пользу, однако намного больше мыслителя беспокоит доказательство её неотвратимости. Тот же смысл в необходимости зол капитализма: буржуазию Маркс не ругает за её жестокость, которую он всё же демонстрирует, а всего лишь признаёт неизбежность этих зверств в условиях частной собственности на землю и капитал. Но и капиталистическая тирания не вечна, она воспитает силы, которые её свергнут.
2. Закон накопления капитала. Главное для Маркса — это обречённость частных предприятий на рост. Он предвидел подмену свободной конкуренции олигополией, уменьшение количества частных предприятий, чрезмерное развитие предприятий единичных и как следствие сокращение числа капиталистов. Каждая разновидность бизнеса у Маркса переходит в руки одного владельца, поэтому философ ожидал оттока людей из класса буржуазии в класс рабочих, что со временем даст пролетариату численное превосходство над капиталистами. Такую тенденцию Маркс провёл не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Владеть землёй будет всё меньше и меньше число людей, а их собственность будет становиться всё обширней и обширней. Так собственники будут изо всех сил демонстрировать жестокость и несправедливость капитализма, словно бы вымаливая применение против себя силы.
3. Классовая борьба. Маркс проложил между рабочими и капиталистами острейшую антитезу. Всякий человек рано или поздно оказывается либо среди первых, либо среди вторых, а третьего не дано. Рабочие, ничем не обладая, используются капиталистами, которые владеют всем. По мере развития капитализма, его природа разоблачается яснее, а борьба рабочих с буржуа становится очевидней. Два класса движимы непримиримыми интересами и неизбежно вовлекутся в классовую борьбу, которая подорвёт устои капиталистического общества. Объединиться против поработителей трудящиеся в конце концов догадаются:

сперва на местах, потом всем народом, а затем в интернациональном масштабе. Международная солидарность принесёт им победу и возможность провозгласить обобществление земли и капитала, упразднить классовую эксплуатацию, сделать тиранию собственников невозможной, отменить классовые различия и утвердить свободу для всех.

Все эти идеи уже звучали в дивном *Манифесте коммунистической партии*. Его краткость подобна краткости чудовищно напряжённой пружины, в коей сосредоточены титанические усилия всей планеты, готовые разрядиться в эпическую битву и неизбежный триумф. Без *Манифеста* немыслимо развитие социализма; он, словно семя, содержит в сжатом виде более пространственные выкладки, педантично разровненные на страницах *«Капитала»*. Вопль слов его должен дойти до всякого, кто хочет разгадать власть марксизма над умами трудящихся.

«Призрак бродит по Европе, — начинает Маркс, — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские.

Где та оппозиционная партия, которую её противники, стоящие у власти, не ославили бы коммунистической? Где та оппозиционная партия, которая в свою очередь не бросала бы клеймящего обвинения в коммунизме как более передовым представителям оппозиции, так и своим реакционным противникам?»

И классовая борьба не дань моды:

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов», которая кончалась «всегда... революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов...

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество всё более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат».

Далее история падения феодализма, переходящая в признание революционности буржуазии:

«Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль... эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, чёрствой... Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару... Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые». Феодальные отношения «превратились в его оковы. Их

необходимо было разбить, и они были разбиты... Подобное же движение совершается на наших глазах... Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии. Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против неё это оружие, — современных рабочих, пролетариев».

Далее размалёвываются лишения трудящихся.

«Издержки на рабочего сводятся... почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода. Но цена всякого товара, а следовательно и труда, равна издержкам его производства. Поэтому в той же самой мере, в какой растёт непривлекательность труда, уменьшается заработная плата. Больше того: в той же мере, в какой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и количество труда...

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального мастера в крупную фабрику промышленного капиталиста. Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они — рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно поработывает их машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант. Эта деспотия тем мелочнее, ненавистнее, она тем больше ожесточает, чем откровеннее её целью провозглашается нажива».

Далее Манифест уточняет динамику классовой борьбы.

«Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием. Сначала борьбу ведут отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности против отдельного буржуа, который их непосредственно эксплуатирует. Рабочие направляют свои удары не только против буржуазных производственных отношений, но и против самих орудий производства...

На этой ступени рабочие образуют рассеянную по всей стране и раздробленную конкуренцией массу. Сплочение рабочих масс пока является ещё не следствием их собственного объединения, а лишь следствием объединения буржуазии, которая для достижения своих собственных политических целей должна, и пока ещё может, приводить в движение весь пролетариат...

Столкновения между отдельным рабочим и отдельным буржуа всё более принимают характер столкновений между двумя классами. Рабочие начинают с того, что образуют коалиции (профессиональные союзы) против буржуа; они выступают сообща для защиты своей заработной платы. Они

основывают даже постоянные ассоциации для того, чтобы обеспечить себя средствами на случай возможных столкновений. Местами борьба переходит в открытые восстания.

Рабочие время от времени побеждают, но эти победы лишь преходящи. Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а всё шире распространяющееся объединение рабочих. Ему способствуют все растущие средства сообщения, создаваемые крупной промышленностью и устанавливающие связь между рабочими различных местностей. Лишь эта связь и требуется для того, чтобы централизовать многие местные очаги борьбы, носящей повсюду одинаковый характер, и слить их в одну национальную, классовую борьбу. А всякая классовая борьба есть борьба политическая. И объединение, для которого средневековым горожанам с их проселочными дорогами требовались столетия, достигается современными пролетариями, благодаря железным дорогам, в течение немногих лет.

Эта организация пролетариев в класс, и тем самым — в политическую партию, ежеминутно вновь разрушается конкуренцией между самими рабочими. Но она возникает снова и снова, становясь каждый раз сильнее, крепче, могущественнее. Она заставляет признать отдельные интересы рабочих в законодательном порядке, используя для этого раздоры между отдельными слоями буржуазии...

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. У пролетария нет собственности; его отношение к жене и детям не имеет более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стёрли с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия — всё это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы.

Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретённое ими положение в жизни, подчиняя всё общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом. У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить всё, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность.

Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы

при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоёв, образующих официальное общество».

Коммунисты, заверяет Маркс, за пролетариат в целом — то есть, они интернациональны.

«Коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность. Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет».

Первейшая задача коммунистов — завоевание власти пролетариатом. «В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности».

Материалистическое понимание истории проясняет антихристианскую суть коммунизма.

«Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных, философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения. Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, — одним словом, их сознание?»

Отношение же Манифеста к государству не совсем понятно. С одной стороны, «современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии». Но всё равно трудящиеся не должны гнущаться ею пользоваться — это первый шаг революции.

«Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии. Пролетариат использует своё политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».

Первейшей политикой Манифест признаёт усиление действующего государства, но по мере завершения социалистической революции государство в нынешнем понимании должно погибнуть. У Энгельса при захвате пролетариатом власти настанет «конец классовым различиям, классовым противоречиям и государству как таковому». Значит, государственный социализм и диктатуру пролетариата хоть и можно вытянуть из планов Маркса и Энгельса, ставить им в вину апологию государства всё же нельзя.

Завершается Манифест призывом рабочих к борьбе под знамёнами коммунизма.

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путём насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Во все великие европейские страны, кроме России, революция пришла вскоре после издания Манифеста коммунистической партии. Однако лишь во Франции она затрагивала экономическую систему общества и была международной. Во всех иных странах революцию вдохновляла национальная идея. Приходя в себя, сильные мира сего позднее разжигали межнациональную вражду, крепились и вооружёнными силами вконец заглушали краткий триумф революционеров. Мир не был готов к идеям Манифеста, однако авторы выхолили ростки социалистического движения во всех странах. Дали ему силу влиять на государства, вдохновили русскую революцию и, кто знает, не воплотятся ли последние строчки сочинения во вселенском единении трудящихся.

Пламенные тезисы Манифеста Маркс материализовал в увесистых построениях «Капитала». Существенно обогащена теория прибавочной стоимости, призванная объяснить конкретный механизм капиталистической эксплуатации. Сама по себе теория мудрёна и едва ли складна. Скорее тут поэма, в которой Маркс абстрактной лексикой воплощает свою ненависть к строю, перерабатывающему человеческие жизни в прибыль. Суть не в бесстрастном анализе, а в духе его. Критика теории прибавочной стоимости потребует привлечения сложных, чисто экономических абстракций, оторванных от оценки степени истинности социализма. Мой том такое не вместит. По мне, лучшие места «Капитала» там, где Маркс копается в экономических примерах: познания философа поистине энциклопедические. Через них он по капле вливает в учеников непримиримую и неугасающую ненависть, воспитывает их доблестными солдатами на полях классовой борьбы. Приводимые Марксом факты малоизвестны сытым людям, эти факты ужасают и заставляют содрогнуться от потворствующего им строя. Даже несколько Марксовых примеров объясняют озлобленность социалистов.

«Г-н Бротон, мировой судья графства, заявил как председатель митинга, состоявшегося в Ноттингемском городском доме 14 января 1860 года, что среди той части городского населения, которая занята в кружевном производстве, царят такие нищета и лишения, которых не знает остальной цивилизованный мир... В 2, 3, 4 часа утра 9–10-летних детей отрывают от их грязных постелей и принуждают за одно жалкое пропитание работать до 10, 11, 12 часов ночи, в результате чего конечности их отказываются служить, тело сохнет, черты лица приобретают тупое выражение, и всё существо цепенеет в немой неподвижности, один вид которой приводит в ужас».

«Перед лондонским большим жури предстали три железнодорожных рабочих: кондуктор пассажирского поезда, машинист и сигнальщик. Большая железнодорожная катастрофа отравила сотни пассажиров на тот свет. Причиной несчастья послужила небрежность железнодорожных рабочих. Они единогласно заявляют перед лицом присяжных, что 10–12 лет тому назад их работа продолжалась всего 8 часов в сутки. В течение же последних 5–6 лет рабочее время довели до 14, 18 и 20 часов, а при особенно большом наплыве пассажиров, например в разгар сезона экскурсий, оно часто продолжается без перерыва 40–50 часов. Но они, железнодорожные рабочие, обыкновенные люди, а не циклопы. В известный момент рабочая сила их отказывается служить. Они впадают в состояние оцепенения, голова перестаёт соображать, глаза — видеть. Вполне „респектабельный британский присяжный“ отвечает на эти показания приговором о передаче дела, квалифицируемого как убийство, в более высокую инстанцию, и в дополнительном пункте мягко выражает благочестивое пожелание, чтобы господа железнодорожные магнаты капитала в будущем проявляли большую щедрость при покупке необходимого количества „рабочих сил“. И обнаруживали большее „воздержание“ или „самоотречение“, или „бережливость“ при высасывании купленной рабочей силы».

«В последние недели июня 1863 года все лондонские газеты поместили заметку под „сенсационным“ заголовком „Смерть исключительно от чрезмерного труда“. Речь шла о смерти 20-летней модистки Мэри Анн Уокли, работавшей в весьма респектабельной придворной пошивочной мастерской, которую эксплуатировала одна дама с симпатичным именем Элиз. Здесь вновь раскрылась старая, часто повторявшаяся история о том, что эти девушки работают в среднем по 16½ часов в сутки, а в сезон часто бывают заняты 30 часов без перерыва, причём изменяющая им „рабочая сила“ поддерживается время от времени определёнными дозами хереса, портвейна и кофе. Был как раз разгар сезона. Предстояло изготовить благородным леди роскошные наряды для бала в честь только что импортированной принцессы Уэльсской. Мэри Анн Уокли проработала без перерыва 26½ часов вместе с 60 другими девушками, по 30 человек в комнате, имевшей едва необходимой кубатуры, причём спать им приходилось по две на одной постели в одной из тех вонючих конур, в которых спальня отгораживается посредством дощатых переборок. И это была одна из лучших модных мастерских Лондона. Мэри Анн Уокли заболела в пятницу, а умерла в воскресенье, не успев даже, к великому изумлению г-жи Элиз, закончить последнее бальное платье. Врач, г-н Киз, вызванный слишком поздно к её смертному одру, показал перед присяжными по осмотру трупов без обиняков:

„Мэри Анн Уокли умерла вследствие чрезмерно продолжительного труда в переполненной мастерской и вследствие того, что она спала в слишком тесном, плохо проветриваемом помещении“.

Чтобы дать врачу урок хорошего тона, присяжные в ответ на его показания заявили:

„Она умерла от удара, но есть основание опасаться, что её смерть могла быть ускорена чрезмерным трудом в переполненной мастерской и т.д.“

Наши „белые рабы“, воскликнул по этому случаю „Монин Ста“, орган господ фритредеров Кобдена и Брайта, „наши белые рабы зарабатываются до могилы и гибнут и умирают без всякого шума“».

«Эдуард Шестой: статут первого года царствования, 1547-го, предписывает, что всякий отказывающийся работать должен быть приговорён к рабству у лица, донёсшего о его тунеядстве. Хозяину держать раба на хлебе и воде, разреженном бульоне и мясе по своему усмотрению. Он вправе принуждать к какому угодно труду, даже гадкому, при помощи бичей и цепей. Двухнедельное отсутствие раба даёт основание для пожизненного рабства и ношения на лбу или сзади клейма с буквой „Эс“. За троекратный побег казнь, как за уголовное преступление. Раб годен к продаже хозяином, передаче хозяином по наследству, отпущению хозяином на рабство, наподобие всякого движимого имущества или скота. Покушение на хозяина карается смертью. Мировым судьям предписано преследовать злоумышленников. Трёхдневное тунеядство чревато высылкой на место рождения, нанесением калёным железом буквы „Ви“ на грудь, эксплуатации в цепях, например, на улицах. При сообщении тунеядцем ложного места рождения — пожизненное рабство у людей или муниципалитета тех мест с ношением клейма „Эс“. У каждого человека право на детей тунеядцев, взятых как подмастерья, до 24-летия у мальчиков и 20-летия у девочек. В случае побега рабство до указанного возраста с оковами, бичеванием и пр. по усмотрению хозяев. Для простоты и спокойствия разрешается в таких случаях оковывать шею-конечности железным кольцом. Последняя часть статута позволяет некоторым беднякам работу на поящих, кормящих и дающих работу. Подобные приходские рабы сохранились в Англии до девятнадцатого века под названием „раундсмэны“».

Целые страницы, целые главы таких примеров приводятся для иллюстрации фаталистической теории, которую Маркс выставляет плодом строгих умозаключений. В пылком рабочем читателе они возбуждают ярость, а в не растерявшем великодушия и справедливости собственнике капитала — непереносимый стыд.

Под занавес тома очень краткая главка «Историческая тенденция капиталистического накопления» — единственный проблеск надежды среди ужасов современности:

«Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства про-

изводства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретают новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих.

Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путём централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растёт и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьёт час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

И не более того. Никакое другое выражение уныния с первого абзаца и до последней точки не допущено — в такой форме давления на сознание читателя и заключена великая сила книги.

Знакомство с Марксовым сочинением заставляет спросить: во-первых, насколько истинны его законы исторического развития; во-вторых, насколько нужен социализм. Мыслитель гарантирует установление социализма, но ленится доказывать, что такое будущее окажется светлым. Тем не менее благодать социализма может не зависеть от истинности Марксовых предсказаний. Вообще суровая действительность показала глубокие нестыковки марксизма. Ход истории хоть и подтвердил прозорливость мыслителя, но всё же недостаточно вписался в его политико-экономические прогнозы. Национальная идея отнюдь не выдохлась, а даже усилилась в умах людей, задавив космополитизм, который Маркс правильно угадал в финансовом деле. Несмотря на предсказанное умоощнение крупного бизнеса, даже монополии не уничтожили многочисленный класс (держателей акций), заинтересованный в сохранении и развитии капитализма. Кроме того, несмотря на аппетиты крупного бизнеса предпринимательская деятельность среднего класса также возросла. Что же касается трудящихся, обречённых в индустриальной Англии на убогое существование, то они

лишь выиграли от общего процветания, хотя и не настолько, насколько выиграли буржуа. «Железный закон» заработной платы оказался пшиком³ — по крайней мере, в индустриально развитых странах. А обрисованную Марксом кровожадность капиталистов в наше время можно иллюстрировать разве что примерами эксплуатации отсталых народов. Кроме того, квалифицированный рабочий уже стал своеобразной аристократией пролетариата, и большой вопрос, готов он вступить в сговор ради или против неквалифицированных рабочих, действовать в угоду или вопреки капиталисту. Зачастую такой рабочий и сам капиталист, если не по его мнению, то хотя бы по мнению его профсоюза или общества взаимопомощи. Выходит, классовые противоречия не настолько остры: между богатыми и бедными пропасти нет, как нет и чёткой грани между неимущими трудящимися и владеющими всем капиталистами.

Даже в Германии, ставшей родиной ортодоксального марксизма и разработавшей мощную Социал-демократическую партию, — даже там довоенное⁴ благоденствие всех классов заставило социалистов пересмотреть свои убеждения и подменить революционность эволюционностью. Немецкий социалист Бернштейн долгое время жил в Англии и возглавил ревизионистское движение, завоевавшее в партии немало сторонников. Свою критику марксизма он суммировал в книге «Проблемы социализма и задачи социал-демократии», которая в духе Широкой церкви демонстрировала недостаточную последовательность основателей движения, достигнутую их учениками. Многие у Маркса и Энгельса не могли вписаться в ортодоксию их сторонников. Помимо уже сказанного, Бернштейн выдвигает против марксизма раздробленность революционеров, неприятие социалистами либерализма, развенчание наднациональности пролетариата. У рабочих, учит Бернштейн, таки есть родина в той мере, в которой они граждане: война показала высокий градус национализма в рядах социалистов. Он заходит настолько далеко, что признаёт право высокоцивилизованных европейцев на малоцивилизованные тропические страны. Подобные идеи, конечно же, остужают революционный угар и низводят социалистов до статуса левого крыла либералов. Но ведь само благополучие рабочих до войны не оставило социализму иного пути развития. Невозможно оценить, насколько война такому развитию помешала. Резюмирует Бернштейн мудрыми словами, что «надо принимать трудящихся такими, какими они есть — не мировой беднотой из Манифеста коммунистической партии, свободной от предрассудков и недостатков, как их подхалимы пытаются нас убедить». В марте 1914 года Бернштейн своей будапештской лекцией засвидетельствовал отход от некоторых вышеизложенных позиций, отмеченный «Фолькштимме».

Бернштейн знаменует распад марксизма изнутри. Извне же социалистов атакуют синдикалисты, исходящие из более революционной, более радикальной пози-

³ Примечание переводчика. Большая советская энциклопедия в лице некоего В.С. Афанасьева отрекается от «железного закона» зарплат: «Эту оппортунистич. концепцию, отрицающую важное значение экономич. борьбы рабочего класса в деле его сплочения и революционизирования, широко пропагандируют лево-экстремистские теоретики, проникающие в совр. рабочее движение. Стремясь дискредитировать марксистско-ленинскую теорию, совр. буржуазные экономисты (П. Сэмюэлсон, У. Ростоу, Дж. Стрейчи, Э. Браудер и др.) отождествляют теорию зарплаты К. Маркса с концепцией „железного закона“, с к-рой она в действительности не имеет ничего общего».

⁴ Примечание переводчика. Здесь и далее подразумевается Первая Мировая война.

ции, нежели предложена Марксом и Энгельсом. Взгляд синдикалистов на марксизм можно изложить по книгам Сореля: небольшой «Ль’Декопозисьё дю Махксизм» и более обширной «Рифлэкшнс аф Вайлнс» — Хюльмовому авторизованному переводу «Размышления о насилии». Вдоволь нацитировавшись Бернштейна, Сорель разрабатывает и другую критику. Вполне справедливо подмечает преемственность марксистской экономики от манчестерской школы — ортодоксальной политэкономии, ныне доказанные ошибки которой Маркс выпитал с молоком матери. Что Сорель усматривает главным у Трирца, так это классовую борьбу, признание которой делает необязательным верность социал-демократической программе и является достаточным, чтобы сохранить дух социализма. На основе идеи классовой борьбы синдикалисты разрабатывают ещё более глубокую критику марксизма, чем изложенная до сих пор. Исторический эволюционизм Маркса в целом ошибочен, однако предложенный политико-экономический идеал хорош не в одних только ортодоксальномарксистских глазах. Впрочем синдикалисты морщатся не только от Марксовой интерпретации фактов, но также от целей и стратегии его. Идеи трирского философа разработаны в додемократические времена: как раз в год выхода «Капитала» трудящиеся горожане Англии и Пруссии впервые получили избирательное право. Естественно было бороться за то, что впоследствии дала демократия. Помимо этого, Маркс и традиционные экономисты детерминировали мнения людей более-менее осознанными экономическими потребностями, личными или классовыми. Опыт же идеологов демократизации показал, что Дизраэли и Бисмарк много лучше понимали человеческую природу, нежели либералы и социалисты. Всё сложнее и сложнее видеть в государстве средство достижения свободы, а в политических партиях — действенное орудие для порабощения государства народом. Государство наших дней, по мнению Сореля, «суть группа интеллектуалов, засыпанных привилегиями; одарённых, сказать, политическими мерами по самозащите от нападков со стороны других интеллектуалов; стремящихся нажиться от публичных должностей. Партии же учреждаются ради занятия этих должностей и аналогичны государству».

Синдикалисты намереваются собрать людей не в партии, а в группы по родам деятельности. Само это у них воплощает истинную классовую борьбу. Синдикалисты отрицают всякое политическое участие через парламент или выборы, взамен этого они предпочитают не опосредованные государством действия революционных профсоюзов. Дифирамбы производственному действию взамен политического участия слышны и вдалеке от французских профсоюзов — они исходят от Индустриальных рабочих мира, отраслевопрофсоюзных и гильдейских социалистов. Апологеты подобных воззрений также имеют немарксистские цели, они отрицают настоящую свободу личности в условиях всемогущества государства, пусть даже и социалистического. Некоторые из них — отъявленные анархисты, не признающие государство ни в каком виде; другие хотят государство лишь укротить. Благодаря антигосударственному движению оппозиция Марксу значительно усилилась. Об этом в следующей главе.

2. Бакунин и анархисты

Для обывателей анархист — это субъект, разбрасывающийся бомбами и предающийся всякому произволу либо по душевной болезни, либо ради маскировки преступных позывов политическим экстремизмом. Такой имидж, конечно же, ложен. Некоторые анархисты верят в бомбы, многие всё-таки нет. В то же время не нужно быть анархистом, чтобы взрывать: развязавший настоящую войну сараевский бомбист был не анархистом, а националистом. Да и взрыватели ради анархии не беспринципнее остального человечества, за исключением малочисленной его части сторонников толстовского ненасилия. Подобно социалистам, анархисты живут в состоянии войны классов, поэтому использование ими бомб мало чем отличается от военного использования бомб государством: анархист изготавливает одну бомбу — государство делает миллионы бомб, анархист убивает единичных людей — государство убивает миллионы людей. Таким образом, мы можем не заикливаться на насилии, для анархизма ни существенном, ни специфичном.

Как показывает этимология, анархизм является теорией, оппонирующей любой форме принуждения. Здесь отрицание государства как воплощения власти над обществом. Чтобы анархист признал руководство, оно должно быть свободным не только для большинства, а и заручаться поддержкой всех без исключения людей. Анархист против институтов права (вроде полиции), которые используются одной частью общества для силового воздействия на другую часть общества. Государственный демократический режим для анархиста мало чем лучше антидемократического, если в обоих меньшинство принуждено исполнять капризы большинства. Свобода выступает наивысшей ценностью анархистского символа веры и напрямую достигается устранением насильственного контроля над индивидом.

В этом смысле говоря, анархизм не нов: доктрину восторженно изложил ещё китайский философ 300 года до нашей эры Чжуан-цзы.

«Конь может ступать копытами по инею и снегу, а шкура защищает его от ветра и холода. Он щиплет траву и пьёт воду, встаёт на дыбы и пускается вскачь. Такова настоящая природа коня. И если бы его пустили жить в высокие террасы и просторные залы, он вряд ли возрадовался бы этому.

Но вот пришёл Болэ и сказал: „Я умею укрощать коней“. И он стал прижигать и стричь их, прибивать подковы и ставить клейма, стреноживать и запирали в конюшне, а потому два-три коня из каждого десятка погибали. Он стал морить коней голодом и жаждой, заставляя их бегать рысью и галопом, в одной упряжке и друг за другом. Он мучил их уздечкой и шлёмом, нагонял на них страх плёткой и кнутом, и коней погибало больше половины.

Горшечник говорит: „Я умею обрабатывать глину“. И вот он выделяет круглое с помощью циркуля, а квадратное с помощью угольника. Плотник говорит: „Я умею обделывать дерево“. И вот он вытёсывает круглые столбы при помощи крюка и прямые доски при помощи отвеса. Но разве глина и дерево по природе своей желают, чтобы их обрабатывали с помощью

циркуля и угольника, крюка и отвеса? И тем не менее в мире поколение за поколением твердят: „Болэ искусно управлялся с лошадьми, горшечник и плотник искусно управляют с глиной и деревом“. Вот в чём ошибка тех, кто правит Поднебесной.

Я же полагаю, что те, кто искусны в управлении Поднебесной, поступают иначе. Люди от природы обладают постоянством:

Они ткуют — и одеваются.

Пашут землю — и кормятся.

Это зовётся „быть единым в свойствах жизни“.

Они все заодно и не имеют корысти.

Имя этому — Небесная свобода.

Во времена, когда свойства жизни не терпели ущерба, походка у людей была уверенная, а взгляд — непреклонный. В ту пору в горах ещё не было тропок, а на озёрах — ни лодок, ни мостов. Все существа жили сообща, и людские селения лепились друг к другу. Звери и птицы сбивались в стаи, деревья и травы вырастали в полный рост. Поэтому каждый мог приладить поводок к животному или птице и пойти с ним на прогулку или нагнуть дерево и заглянуть в гнездо вороны или синицы. В те времена люди жили вместе с птицами и зверями, словно потомки одного рода. Где уж им было знать, кто благородный муж, а кто низкий человек!

Едины все в незнании,

От силы не отходят.

Подобны в нежелании,

Просты и безыскусны!

В простом и безыскусном обретается человеческая природа.

А потом пришли „прославленные мудрецы“, и люди стали считать человечностью умение ходить, хромя, а следованием долгу — умение стоять на цыпочках. Мир оказался в смятении».

Нас же будет интересовать современный анархизм, который отстаивает общинную собственность на землю и капитал и тесно связан с социалистическим идеалом. Подобная доктрина называется анархо-коммунизмом, противоположна анархо-индивидуализму и, будучи признаваемой почти всеми безвластниками, заслуживает нашего рассмотрения. Как социализм, так и анархо-коммунизм оба вдохновлены имиджем частного капитала как источника угнетения человека человеком. Ортодоксальные социалисты признают свободу личности лишь в случае, когда государство выступает единственным капиталистом. Наперекор им анархисты заявляют, что в этом случае государство всего лишь наследует тиранические повадки частного капиталиста. Поэтому все средства надо бросить на совмещение общинной собственности с ослаблением и упразднением государства. Такая программа была озвучена в лоне социалистического движения, в крайнем левом его крыле.

Михаила Бакунина следует признать таким же отцом анархо-коммунизма, каким Маркс выступил по отношению к социализму. Однако бакунинизм не может

похвастать завершённой и систематизированностью, отличающимися марксизм. До высоты трирского философа ближе всех поднялся последователь Бакунина Пётр Кропоткин. Но чтобы обрисовать облик нынешнего анархизма, придётся начать с биографии Бакунина и его разлада с Марксом. Последующее краткое резюме теории безвластия изложу, так уж и быть, больше кропоткинскими писаниями. (Их критику отложим до II части книги.)

Михаил Бакунин родился в 1814 году в семье русских аристократов. Отец его, служивший дипломатом, встретил рождение сына в своём поместье Тверской губернии. В 15 лет будущий революционер поступил на учёбу в Артиллерийское училище Петербурга, а в 18 — служил младшим офицером полка Минской губернии. К тому времени Ноябрьское восстание 1830 года было подавлено. По мнению Гильома, «зрелище забичёванной Польши глубоко въелось в сердце молодого офицера, не в последней мере именно оно поразило молодчика ужасом деспотизма». Насмотревшись всякого за два года, Бакунин решил загубить свою военную карьеру. В 1834 году он подал в отставку и отправился в Москву, где шесть лет штудировал философию. Подобно всем современным ему студентам, Михаил заболел гегельянством, что уже в 1840 году поехал за знаниями в Берлин. Там он надеялся занять профессорскую трибуну, однако вскоре студента как подменили. Внезапно Бакунин не смог согласиться с гегелевской догмой, будто что ни делается, всё разумно. Он съехал в Дрезден, где завёл сношения с Арнольдом Руге, правившим Дойче Ярбюхер. К тому времени революционер, он в следующем году раздраконил саксонское правительство и вынужден был переехать в Швейцарию якшаться там с германскими коммунистами. Но раз швейцарская полиция Бакунина донимала, а русское правительство — затребовало назад, пришлось Мише с 1843 по 1847 годы пожить в Париже. Этот парижский период его судьбы наиболее важен для формирования бакунинизма. Революционер познакомился с Прудоном, заимевшим огромное влияние на анархиста, как и прочие знаменитости вроде Жорж Санд. Именно Париж свёл Бакунина с Марксом и Энгельсом — пожизненными противниками революционера. Значительно позднее, в 1871-м, Бакунин так охарактеризовал свои парижские отношения с Марксом:

«Маркс был значительно умнее, чем я, да и сейчас он остаётся не просто умнее, а и учёней меня. Я был полным нулём в политической экономии и никак не мог освободиться от пут метафизических абстракций. Мой социализм оставался инстинктивным. И как Маркс ни моложе меня, тогда он уже был атеистом, обоснованным материалистом, сознательным социалистом. Это было как раз в то время, когда он разработал первые основания его нынешней теории. Мы очень часто виделись друг с другом, и я уважал его за образованность, увлечённость и серьёзную преданность (всё же замешанных на личном тщеславии) делу освобождения трудящихся, я постоянно жаждал и искал общения с ним, которое всегда было поучительным и умным, если только не омрачалась партийной враждой, которая, увы, слишком часто давала о себе знать. Искренней близости у нас никогда не было: этого не допустили бы наши характеры. Он называл меня сентиментальным идеалистом и был прав — я называл его самовлюблённым лукавым вероломником и тоже был прав».

Бакунин так никогда и не научился жить в мире с властями. За воспевание на выступлении польского восстания 1830 года анархист поплатился тем, что в ноябре 1847 года Франция выслала революционера из страны, удовлетворив тем самым просьбу российского посольства, по беспочвенной диффамации которого Бакунин заслан русским правительством, но совсем отбилась от рук. Французское государство не стало мешать этим сплетням, которые так на всю жизнь и приклеились к Бакунину.

Не терпимый во Франции, революционер сбежал в Брюссель, где возобновил знакомство с Марксом. Его письмо того времени уже демонстрирует острейшую озлобленность, для которой впоследствии ему представится больше повода:

«И немцы, и кустари, и Бронштедт, и Энгельс, и прежде всех Маркс заняты своими обычными кознями. Заносчивость, злоба, пересуды, властолюбие в теории и малодушие на деле, рассуждение о жизни и абсолютное незнание жизни. Зачитавшиеся спорливые ремесленники гадко кокетничают: „Мещанский ваш Фейербах“, а само слово „мещане“ стало эпитетом, повторяемым до отвращения — ими, которые сами провинциальные мещане с головы до пят и до мозга костей. Одно слово: лживая глупость и глупая ложь. В этом обществе невозможно дышать свободно, я держусь в стороне от них и предельно ясно объявил, что не пойду в их коммунистический союз ремесленников, в котором мне делать решительно нечего».

Февральская революция 1848 года вновь поманила Бакунина в Париж, а оттуда — в Германию. Он рассорился с Марксом по пункту, в котором позднее признал свою неправоту. Поучаствовал в пражском Славянском съезде, на котором не признали его агитацию за славянское восстание. В 1848 году он накропал «Воззвание к славянам», в котором призывал объединиться с революционерами ради свержения российской, австрийской и прусской деспотических монархий. В печати на Бакунина ополчился Маркс, для которого независимость Богемии немислима в силу бесперспективности славян — по крайней мере, австро-немецких. Бакунин обвинил Маркса в немецком патриотизме, а Маркс Бакунина — в панславизме. Наверняка оба обвинения справедливы. Перед тем разыгралась ещё более острая распря. Марксова Новая Рейнская газета заявляла о документах в распоряжении Жорж Санд, доказывающих, будто Бакунин служил российскому правительству и ответственен за недавние аресты поляков. Бакунин признаваться отказывался, а Жорж Санд в письме газете всё отрицала. Публично от обвинений отрёкся и Маркс, формально примирившись с Бакуниным. Но на деле вражда между двумя революционерами только усугублялась — до 1864 года они не виделись.

Тем временем не дремала и реакция. Майское восстание 1849 года в Дрездене на какие-то пять дней подарило революционерам город. Они установили революционное правительство, а Бакунин стал сердцем защитников революции против прусских белогвардейцев. Однако после поражения бунтовщиков был в конце концов задержан, когда пытался бежать с Хойбнером и Рихардом Вагнером, который плена избежал.

Так Бакунин начинает длительное путешествие по тюрьмам мира. Приговорённый саксонским правительством к казни 14 января 1850 года, он за пять месяцев дождался

смягчения приговора и передачи в Австрию, претендовавшую на казнь революционера. Австрияки приговорили Бакунина к казни в мае 1851 года, но приговор опять смягчили, заменив на пожизненное заключение. В австрийских тюрьмах анархист был скован по рукам и ногам, а в одной из них — даже пристёгнут к стене. Наверняка наказывать Бакунина очень приятно, раз и Россия не упустила случая затребовать узника себе. Присланного из Австрии заточили сперва в Петропавловской крепости, а затем в Шлиссельбурге. Цинготным он лишился всех зубов, окончательно расстроил своё здоровье, мало что съедобное мог усвоить. «Но плотью не моществуя, он не сгибался духом. Больше всего боялся одного: как бы подрывное рвение тюремщиков не довело его до деградации, коей пример показан Сильвио Пеллико. Страшился угасания злобы, которой держался и которую мог потерять ради всепрощения и смирения судьбе. Но опасения излишни: силы не оставляли его ни на день, выведя из темницы таким же, каким он туда попал».

После смерти царя Николая многие политзаключённые освободились по амнистии, однако Александр Второй собственной рукою вычеркнул Бакунина из списка. Добившись аудиенции у нового царя, мать Бакунина услышала в ответ: «Сударыня, доколе сын Ваш будет в живых, он свободен не будет». Тем не менее, в 1857 году после восьми лет заключения он был отчасти освобождён — отправлен в Сибирь. Оттуда в 1861 году ему удалось бежать в Японию, а там — через Америку в Лондон. Поразительно, но, вдоволь натерпевшись от правительств, но не развил ожидавшийся от него стокгольмский синдром. С этого момента он с головой ушёл в пропаганду анархистского переворота, впрочем, безнаказанную. Несколько лет жил в Италии, где в 1864 году основал Интернациональное братство, в которое входили люди многих стран, по-видимому, кроме немецких. В основном, братство боролось с мадзинивским национализмом. В 1867 году Бакунин обосновался в Швейцарии, где в следующем году посодействовал формированию Международного альянса социалистической демократии, которому составил программу. В ней лаконичное резюме взглядов Бакунина.

«Альянс заявляет себя атеистическим, он желает окончательной и полной отмены классовых отличий, политического равенства и социального уравнения людей обоих полов. Он желает, чтобы земля, орудия труда и вообще весь капитал перешли в коллективную собственность общества в целом, чтобы не были пригодны к использованию кем угодно, кроме работников, а именно сельскохозяйственных и промышленных объединений. Альянс сознаёт, что все существующие демократические и авторитарные государства, постепенно отводящие себе исполнительные функции по обслуживанию народа их стран, должны полностью раствориться во всемирном союзе вольных объединений сельскохозяйственных и промышленных».

Сам альянс намеревался вкратце приводем в Интернационал, который, однако, не признал его своей секцией, обязанной быть местной, а не международной. Позднее, в июле 1869 года, Женевская группа альянса была всё же признана Интернационалом.

Интернационал или Международное товарищество рабочих был основано в Лондоне в 1864 году, а его уставы и программа составлены Марксом. Поначалу Бакунин не

видел в нём будущего и остался в стороне. Однако движение молниеносно заразило многие страны, в скором времени стало ощутимой силой на страже социалистической идеи. Монолитным Интернационал был не с самого начала, лишь успехи Маркса на конгрессах Интернационала позволяли обращать в марксизм всё больше и больше людей. Только на Третьем конгрессе в Брюсселе в сентябре 1868 года Интернационал стал социалистическим. Тем временем Бакунин раскаялся в своём неучастии и решил исправить его. Вместе с собой он повёл в Интернационал целые толпы последователей из французской Швейцарии, Франции, Испании, Италии. На Четвёртом конгрессе Интернационала в Базеле в сентябре 1869 года разоблачилось два течения. Немцы и англичане поддерживали Маркса в вере в государство без частной собственности, рвении основать в странах мира рабочие партии, готовности приспособить механизм демократии к выборам в парламент представителей от рабочих. С другой стороны Западная Европа солидаризовалась с Бакуниным в отрицании государства и представительного правительства. Со временем противостояние между двумя группировками Интернационала всё усугублялось, посыпались взаимные обвинения. Часто Бакунина обличали как шпиона, однако по расследованию вопроса от таких обвинений отказались. Конфиденциально Маркс сообщал своим немецким друзьям, будто Бакунин заслан ватниками, от которых получает по 25000/год. Тем временем Бакунин заинтересовался разжиганием крестьянских волнений в России, что отвлекло его от участия в полемике в самый решающий для Интернационала момент. В годы Франко-прусской войны, особенно после падения Наполеона Третьего, Бакунин страстно поддержал Францию. Он подстрекал народ к повторению событий 1793 года и потерпел поражение в лионском восстании. Французское государство обвинило Михаила в оплачиваемом шпионаже в пользу Пруссии, и ему с титаническими усилиями таки удалось скрыться в Швейцарии. С марксистами Бакунин повздорил из-за споров по национальному вопросу. Подобно Кропоткину, Бакунин рассматривал новую Германию угрозой всему свободному миру. Ненависть революционера к немцам объясняется отчасти неприятием Бисмарка, но наверняка сказалась также неприязнь к Марксу. И по сей день анархизм популярен в одной лишь Латинской Америке и воспринимается как синоним германофобии, что произрастает от раздора между Марксом и Бакуниным.

Окончательный разгром бакунинской партии был осуществлён на Пятом конгрессе Интернационала в Гааге (1872). Место для проведения конгресса выбирал (лояльный к Марксу) Генеральный совет с расчётом (как считают бакунинисты) сделать присутствие анархистов невозможным (по причине недружественности правительств Франции и Германии). Бакунина исключили из рядов Интернационала вследствие обоснованных обвинений в краже.

Так ортодоксию Интернационала и отстаивали — в ущерб его жизненности. С тех пор он стал чахнуть, несмотря на то, что различные секции продолжали работу, а социалистические группировки интенсивно росли. В итоге пришлось создавать новый Интернационал (1889), продолживший вырождение вплоть до нынешней войны. Бессмысленным гаданием будет построение прогнозов касательно социалистического Интернационала, хотя потребность в самой идее (как она озвучена до социалистических конгрессов) чрезвычайно сильна после войны.

К тому времени здоровье Бакунина было подорвано и за вычетом небольших периодов он пребывал на покое до самой смерти в 1876 году.

В отличие от Маркса, он провёл очень бурную жизнь. Всякое неповиновение властям всегда вызывало сочувствие Бакунина, который в своей поддержке не задумывался об опасности для себя. Несомненно его влияние во многом было личным, под него подпали весьма влиятельные люди. Сочинения Бакунина и Маркса отличаются настолько же, насколько отличаются их судьбы. Пером анархиста двигали сиюминутные события, порождающие бессвязные, абстрактные, метафизические писания — за исключением случаев, когда революционер занимается политологией. Бакунин сторонится экономических выкладок, предпочитая витать в философских эмпириях. Спускаясь с них, он сильнее Маркса закурчивается штормом международной политики, не будучи привязанным к якорю убеждённости в экономической детерминированности судеб мира. Бакунин превозносил Маркса за озвучивание этой доктрины⁵, однако всё равно продолжал смотреть сквозь призму национального вопроса. Его наиобширнейшая работа «Кнуто-Германская империя и социальная революция» в основном посвящена романским реалиям завершающей стадии Франко-прусской войны, а также мерам противодействия германскому империализму. Многие работы Бакунина спешно написаны в промежутках между бунтами. Неряшливость в произведениях прекрасно дополняет образ идеолога анархизма. Самая известная его работа — это отрывок, который издатели окрестили как «Бог и государство»⁶.

В этой работе Бакунин ставит веру в бога и веру в государство на пути человека к свободе. Типичный отрывок из произведения прекрасно иллюстрирует стилистику анархиста.

«Государство вовсе не однозначуще с обществом, оно есть лишь историческая форма, столь же грубая, как и отвлечённая. Оно исторически возникло во всех странах от союза насилия, опустошения и грабежа — одним словом, от войны и завоевания с богами, последовательно созданными теологической фантазией наций. Оно было с самого своего образования и остается ещё и теперь божественной санкцией грубой силы и торжествующей несправедливости...

Государство это — власть, это — сила, это — хвастовство и самовлюбленность силы. Оно не старается привлечь на свою сторону, обратить в свою веру... И даже, когда оно приказывает что-либо хорошее, оно обесценивает и портит это хорошее потому, что приказывает, и потому, что всякое приказание возбуждает и вызывает справедливый бунт свободы, и потому ещё, что добро, раз оно делается по приказу, становится злом с точки

⁵ «Как мыслитель Маркс на верном пути. Он обосновал принцип, по которому всякое развитие — что политическое, что религиозное, что правовое — не причина, а следствие экономического развития. Это поистине великолепный и плодотворный подход, не являющийся полностью Марксовым детищем. В этом направлении отчасти прозревали многие до него, однако ему в любом случае принадлежит честь прочного обоснования и популяризации идеи в качестве основы его экономической системы» (1870).

⁶ Заголовок дан не Бакуниным, а Кафьеро и Эльзой Реклю, не знавшими, что редактируют вторую версию «Кнуто-Германской империи».

зрения истинной морали, человеческой, разумеется, а не божественной, с точки зрения человеческого самоуважения и свободы. Свобода, нравственность и человеческое достоинство заключаются именно в том, что человек делает добро не потому, чтобы кто либо приказывал ему, но потому, что он сознаёт, хочет и любит добро».

Мы не находим в работах Бакунина ясного описания желанного им общественного строя или доказательства стабильности его. Чтобы понять анархизм, нужно обратиться не к Бакунину, а к бакунинистам, особенно в лице Кропоткина — такого же русского аристократа и в то же время анархиста, знакомого с европейскими тюрьмами; революционера, в котором интернационализм не менее паразитически уживается с лютой германофобией.

Кропоткинские сочинения делают основной упор на технических вопросах производства. В работах «Поля, фабрики и мастерские», «Хлеб и воля» он взял себе за цель доказать, что с более грамотным привлечением естествознания и менеджмента к производству сравнительно небольшое количество приятного труда способно дать комфортное существование всему населению. Даже допуская (как мы, видимо, и должны) Кропоткино преувеличение возможностей современной науки, всё равно необходимо признать немало истинного в данной точке зрения. Разгрызая производственный орешек, он действительно добрался до самого ядра. Если прогресс цивилизации должен сочетаться с равенством между людьми, как жизнь всех людей не свести к бесконечному трудовому подвижничеству? Ведь погибнут досуг, искусство и наука, без которых прогресс станет вообще невозможным. Подобное возражение против социализма и анархизма не отделимо от представлений о производительных возможностях.

Ведь независимо от воплотимости проектов Кропоткина, они требуют значительного усовершенствования современных средств и методов производства. Учёному чешутся руки полностью отменить систему начисления заработной платы — не просто в социалистической идее платы за старание, а в более основополагающем смысле: блага должны распределяться в равной доле всем людям и работать никто не обязан. Кропоткин полагается на совершенствование труда и его превращение в удовольствие, от которого практически никто не захочет отказаться. Ведь труд не будет подразумевать переутомление, рабство или одностороннюю специализацию индустриального общества, он сведётся к приятному проведению определённых часов дня, когда человек сможет найти выход своему стихийному созидательному порыву. Никакого принуждения, никакого закона, никакого правительства — только решения общества, подразумевающие единогласие, а не согласие большинства, сколь угодно близкого к 100%-му. Придираться к воплотимости таких проектов мы будем ниже, но пока что им никак нельзя отказать в шарме и убедительности.

Мы вышли бы за пределы справедливости к анархизму, если бы умолчали о тёмной его стороне, которая поссорила его с полицией и сделала жупелом для обывателей. В целом, идеология безвластия не настаивает на насильственной борьбе и ненависти к богачам — многие, кто принимает доктрину, благородны и страстно отвращаются от жестокостей. Но при этом общее настроение анархистской публики и печати настолько лютое, что граничит с болезнью и пропагандирует (особенно в Латинской

Америке) не сострадание к несчастным, а зависть к счастливым. Яркий и увлекательный при всей своей безосновательности образчик вражды представлен книгой Феликса Дюбуа «Ль'Пэрий Анаркист», который между прочим воспроизводит множество карикатур из анархистских журналов. Бунт против права естественно ведёт (если только человек не одержим подлинным человеколюбием) к ослаблению прочих социальных норм, за чем следует ответное остервенение, при котором вряд ли что изменится к лучшему.

Что забавнее всего отличает поп-анархизм, так это культ мучеников по образцу христианского, где место креста занято гильотиной. Многие, кто принял смерть от властей из-за насилия, без сомнения пострадали за свои убеждения. Однако не слабее почитают прочих, благородство которых под сомнением. Самый любопытный пример высвобождения подавленного религиозного инстинкта — это культ Равашоля, обезглавленного в 1892 году за различные шалости с взрывчаткой. Его прошлое не безупречно, однако умер террорист в позе: последними его словами стали строчки известной анархистской песенки «Шан дю Пэрё Дюшеснё»⁷:

— Жить мы сможем,
народ божий,
в петли вдев господски рож.

Естественно, что передовые анархисты ничего не сделали для канонизации Равашоля, которая всё же началась, не избежав диковинных перегибов.

Было бы нечестно судить об анархизме или его лидерах по таким эксцессам, однако факт остаётся фактом: доктрина притягательна для безумцев и преступников⁸. Это полезно помнить при выбеливании власти и черни, стригущих под одну гребёнку как паразитов анархизма, так и подлинно великодушных героев, которые свои идеи предпочли комфорту и успеху.

Террористическая кампания с участием равашолоидов фактически прекратилась в 1894 году. После этого влияние Пеллутье подвигло лучших безвластников направить свои усилия в русло пропаганды синдикализма.

Экономическая система идеального для анархо-коммунистов общества не слишком отличается от социалистических проектов. Разница только в рамках власти, которая должна опираться на всеобщее, а не преобладающее согласие. Ясно, что

⁷ Примечание переводчика. Согласно книге Торвальда «Век криминалистики», террорист попросился по-другому: «Когда Равашоля, приговорённого к смерти, вели ранним утром 10 июля по улицам Парижа к месту казни, он надрывно распевал: „Хочешь счастливым быть — вешай своих господ и кромсай попов на кусочки“. Его последними словами на эшафоте были: „Вы свиньи, да здравствует революция!“».

⁸ Лучше всего об этом сказал Бэвингтон: «Все мы знаем, что среди самозванных анархистов есть неуравновешенное меньшинство энтузиастов, для которых любой акт насилия, сулящий преступление и скандал, — повод для истерического восторга. К удобству нравственно и интеллектуально немощной полиции и прессы фанатики безвластия так и тянутся показаться корыстными. Профессиональные анархисты-насилыники продажны и вполне могут сослужить как последнее и действенное средство буржуазии против подлинных освободителей народа».

Очень мудрое заключение: «Оставим же правительству роль безразборчивого изувера и убийцы — правительству с его политиками, лоббистами, чиновниками и законодателями» («Энекизм 'нд Вайленс»).

господство большинства может быть не более приветливым к свободе, чем господство меньшинства: святое право толпы не более истинно, нежели каприз монарха. Даже демократическое государство способно давить лучших своих граждан, опасаясь независимости их разума и прогрессивности их взглядов. Опыт парламентаризма учит нас его несоответствию отводимой ему социалистами роли — тем предсказуемей бунт анархистов. Однако бунт под знамёнами чистого безвластия оказался эпизодическим и слабым. Только синдикалисты по-настоящему разрекламировали антипарламентарный бунт, равно как сугубо внеполитические методы освобождения трудящихся. Настолько обширному течению следует выделить отдельную главу.

3. Синдикальный бунт

Синдикализм возник во Франции как реакция на государственный социализм, и чтобы понять первый, нам придётся окинуть взглядом второй.

После суровой неудачи, причинённой Франко-прусской войной, социализм стал постепенно набираться сил. Во многих странах Западной Европы соцпартии последних сорока лет непрерывно наращивали численное превосходство. Однако неизбежно, что, как в случае роста сект, численность последователей оказалась обратно пропорциональной фанатизму.

В Германии соцпартия стала мощнейшей силой Рейхстага и, несмотря на внутренние разногласия, всё равно предстала формально единой — в силу свойственной немцам военной дисциплинированности. Парламентские выборы 1912 года дали социалистам треть голосов и $110/397$ мандатов. После смерти А. Бабея ревизионисты под влиянием Бернштейнова толчка победили непримиримых маркс-ортодоксов и вся партия опрогрессивилась в ущерб ортодоксии. Несложно догадаться, что во время войны случилось откалывание социалистического меньшинства. В Германии синдикализмом пахнет очень слабо: доктрина течения и приверженность промышленному хулиганству (в противовес политической борьбе) у законопослушных немцев встретила мало поддержки.

В Британии Маркс никогда не имел слишком много последователей. Социализм лишь поспособствовал формированию Фабианского общества (1883), сразу отбросившего революционность, Марксову теорию собственности и классовую борьбу. Оставили только идею социалистической государственности и «проницания»: пока в разум чиновника проникает убеждённость в могуществе социалистической идеи, в профсоюзы проникает идея отказа от устаревшей производственной борьбы в пользу борьбы политической (втайне организованной сочувствующими чиновниками), чтобы постепенно воплотить пункты социалистической программы, не слишком злящие богачей. Хотя создание Независимой рабочей партии (1893) во многом вдохновлено фабианцами, всё равно до настоящего дня (и особенно со времени войны) в ней не растеряли исконно социалистический запал. Она всегда стремилась сотрудничать с рабочими организациями, и ей принадлежит основная заслуга образования Лейбористской партии⁹ в 1900 году из профсоюзов и социалистически

⁹ По отношению к которой Независимая рабочая партия — только секция

ориентированных политиков. С 1909 года все сколь-нибудь влиятельные профсоюзы принадлежат к ней. Однако несмотря на то, что свою силу партия заимствует у профсоюзов, она всегда предпочитала борьбу у трибун, а не на производстве. Лейбористский социализм был сугубо теоретическим, что до самой войны лейбористские депутаты (30 выбрали в 1906 году, 42 — в декабре 1910) во многом смахивали на членов Либеральной партии.

В отличие от немцев и англичан, французы не удовлетворились попугайствованием и постепенной утратой веры. Во Франции¹⁰ новое движение «революционного профсоюзничества» не убило жизненный дух учения, а оставалось истинным даже в глазах социалистов старого поколения, хоть и отклонилось от буквализма. Ревпрофсоюзничество исходит из наличных организаций и пытается подвести под них идею, в то время как социализм и анархизм начинают с идеи и только потом для её распространения создают организации. Понимание революционного профсоюзного движения потребует экскурса в историю французского профсоюзного движения под влиянием его политического климата — так ревпрофсоюзная идея покажется естественным следствием политико-экономической структуры страны. Вряд ли в идее есть новизна, ведь почти всё было разработано аж бакунинской секцией Интернационала¹¹. Последний имел успех ещё при Второй империи: по оценкам за 1869 год, в нём насчитывалось полмиллиона французов. Собственно ревпрофсоюзная программа отстаивалась как раз французским делегатом в Четвёртый конгресс Интернационала.

1870 год положил конец французскому социализму, который стараниями Юлия Геда стал возрождаться лишь через семь лет. В отличие от немецких социалистов, французских разбросало по многочисленным фракциям. С началом 1880-х произошёл раскол между парламентскими социалистами и анархо-коммунистами. По мнению последних, социалистическую революцию следует начинать с развала государства, что исключает участие в законотворчестве. С 1883 года их поддерживали в Париже и на юге страны. Парламентские же настаивали, будто государство исчезнет лишь с утверждением социалистического общества и никак не раньше. В 1882 году социалисты дополнительно раскололись на последователей Юл. Геда (претендовавших на революционность, научность и верность идеям Маркса) и последователей Пав. Брусса (более оппортунистически настроенных и не слишком заботящихся о марксистской ортодоксальности). В 1890 году гедисты отделились от брусситов, последовавших за Аллеманом и приютивших наиболее революционный элемент партии, откуда вышли личные гении многих влиятельнейших профсоюзов. Другой группой стали Независимые социалисты, к которым примыкали Жорес, Мильеран и Вивиани.

Разногласия между несовместимыми социалистическими партиями затруднили деятельность профсоюзов и подтолкнули к решению отделить политику от рево-

¹⁰ Как и в Италии. Превосходно и кратко итальянское движение охарактеризовано в ланцилловском «Ль'Мувмат Уивхрие а Итали». Смотри также Павла Лёуи «Ль'Синдикализм Ёхопейн», глава 6. С другой стороны, Коул («Уолд аф Лэйба») оценивает влияние итальянского синдикализма как очень слабое.

¹¹ Очень часто это признаётся самими ревпрофсоюзниками. Например в недавней публикации «Синдикалиста» за февраль 1913 года, после описания Марксо-Банкунинской борьбы с сочувствием последнему, заключается: «Идеи Бакунина сейчас живее, чем когда-либо».

люционной деятельности. Так назрела потребность в революционных действиях профсоюзов.

Начиная с 1905 года и вследствие слияния Социалистической партии Франции (руководимой Гедом) с Французской социалистической партией (руководимой Жоресом) остались только два социалистических течения — Объединённая социалистическая партия и Независимые социалисты — в которых только теоретизировали либо не желали сильно углубляться в жизнь партии. На выборах 1914 года «объединённые» добились $102/590$ мандатов, «независимые» — $30/590$.

Тенденциям налаживать мосты между различными группировками сильно помешало признание Мильераном правительства Вальдек-Руссо (1899). Как следовало ожидать, Мильеран и вовсе порвал с социализмом, в результате чего стал убедительной иллюстрацией в пропаганде политической иммобильности революционеров. Очень многие французские политики начинали социалистами, но по достижении власти душили забастовки при помощи войск. «Казус Мильерана» был лишь наиболее замечательным и драматичным по сравнению с обычной тогда практикой. Самым важным его следствием было зарождение циничного отношения трудящихся к политике, что во многом поддержало распространение синдикальных идей.

Сам по себе синдикализм выражает точку зрения производителя, противоположную интересам потребителя; озабочен реформированием труда и промышленности, а не только лишь повышением зарплаты. Отсюда произрастает сила и уникальность течения. Провозглашается подмена политической борьбы борьбой на производстве, а также использование профсоюза для роли, отведённой социалистами парламенту. Изначально французское слово «синдикализм» (подобно английскому слову «тред-юнионизм») означало всего лишь «деятельность профсоюзов», однако во Франции профсоюзное движение раскололось на реформистскую и революционную секции, из которых только последняя воплощает синдикализм в нынешнем понимании. Невозможно спрогнозировать степень сохранности течения на исходе войны; всё, что мы можем сказать, основывается на довоенной деятельности ревпрофсоюзников. Может, синдикализм окончательно выдохнется, но и в этом случае он не утратит своей важности, ведь какой мощный импульс он дал наиболее бойким друзьям труда (за исключением, пожалуй, германских).

Судьбу синдикального движения определяла Всеобщая конфедерация труда Франции (ВКТ), основанная в 1895 году, но лишь через семь лет пришедшая к своему окончательному виду. Никогда не обладавшая численным преимуществом, конфедерация всё же имела влияние на многих посторонних ей людей, которые в случае неприятностей всё равно бежали к ней под крылышко. Согласно коуловским оценкам, за год до войны численность ВКТ-шников была полумиллионной. Профессиональные союзы («синдикаты») выведены из подполья Вальдек-Руссо (1884) и уже через год после этого ВКТ была торжественно открыта как объединение 700 профсоюзов. Параллельно этой организации существовала другая — основанная в 1893 году Федерация бирж труда. Биржами труда назывались организации трудящихся, объединённых по территориальному, а не отраслевому или профессиональному признаку;

¹² «Во Франции профсоюзы до сих пор отличает определённая узость: синдикатов общенационального масштаба в настоящее время всего четыре» (Коул).

аналог центров занятости; своеобразные торговые палаты, только не для работодателей, а для работников. Узкоспециальный и местнический, «синдикат» оказался меньшей единицей по сравнению с биржей труда¹². Под искусным руководством Пеллутье Федерация бирж труда преуспевала лучше, чем ВКТ, с которой в 1902 году даже объединилась. Так каждый профсоюз дважды увеличился: срастаясь с другими местными профсоюзами и формируя так местную биржу труда; срастаясь с профсоюзами своей отрасли, но в других краях Франции. «Программой новой организации было двойное ограждение всякого профсоюзника, убеждение его вступить как в местную биржу труда, так и в федерацию по его отрасли. Уставы ВКТ провозгласили это прямым текстом:

„Ни один профсоюз не может входить в состав ВКТ, если он не состоит в федерации общенационального масштаба и не лоялен к бирже труда, местному или областному совету профсоюзов“.

Поэтому, как поясняет Лягардель, две ветви должны взаимно регулировать взгляды друг друга: Федерация национальных федераций по отраслям предупреждает местничество, зато локальная организация следит за поддержанием „корпоративного духа“. Профсоюзник при этом ощущает и местную, и отраслевую солидарность трудящихся, вследствие чего разовьётся моральное единение со всем рабочим классом» (Коул).

Во многом организация оказалась детищем Пеллутье, который руководил Федерацией бирж труда с 1894 года до самой своей смерти в 1901 году. Он был анархо-коммунистом и свои идеи внедрил в деятельность Федерации и (после своей смерти) примкнувшей к ней ВКТ. Свои принципы он даже привнёс в начальство Федерации — при отсутствии председательской должности и редкости голосований. По его мнению, «революционной задачей стоит перед нами свободное человечество, свободное не от одной только власти, а и от всяческого института, не преследующего цели содействовать производству».

ВКТ не держит свои автономии на коротком поводке. Каждый профсоюз имеют свою ценность, независимо от его величины. Нет никаких обществ взаимопомощи, так много делающих для «трэд-юнионов». Не даётся никаких распоряжений, только рекомендации — это ограждает профсоюзы от политики. Исходят из факта, что разногласия между социалистами разрушают профсоюзы, что означает анархистское неприятие политической жизни. Сама ВКТ в значительной мере агрессивная организация: при страйках она выступает тем самым кристалликом, на который нарастают рабочие массы.

При ВКТ находится также реформистская секция, однако она практически всегда в меньшинстве — по своим целям и мотивам конфедерация является органом революционного профсоюзничества или синдикализма, являющегося символом веры её лидеров.

За основополагающий принцип синдикализма взята классовая борьба, осуществляемая индустриальными, а не политическими методами. Во главе первых отдают предпочтение стачке, бойкоту, клеймлению, саботажу.

Разные формы бойкота и клеймение работы, произведённой профсоюзниками, стали замечательной частью борьбы за права американских рабочих.

Саботаж заключается в практике неудовлетворительного отправления труда, в ущербе оборудованию или результату, когда это кажется работодателю нежелательным. Саботаж имеет множество форм, начиная невинными и кончая обоснованно предосудительными. Продавцы, например, могут распространять правду о своём товаре, что при всей губительности для магазина трудно осудить с этических позиций. Железнодорожники, особенно итальянские, следуют всем правилам настолько точно, что движение поездов становится практически невозможным. Можно выполнять работу с чрезмерной тщательностью, которая обеспечивает повышенное качество продукции, но малую при этом выработку. Постепенно наращивая степень серьёзности, допустимо дойти до преступных, с обычной точки зрения, форм саботажа, например, до провоцирования железнодорожных аварий. Апологеты саботажа говорят, что на войне, как на войне, однако наиболее жестокие (и реже всего оправдываемые) формы борьбы при всей своей свирепости ещё и нецелесообразны, а даже более щадящие формы саботажа воспитывают привычку к нерадивости, которая сохранится и при установлении синдикалистского рая на земле. В то же самое время, когда капиталисты откровенно пугаются этих методов, имеет смысл осознать, что они будут первой мерой при благоприятной возможности. Если верить сообщениям, во время русской революции именно так всё и было.

Всё же наиважнейшим синдикальным методом остаётся забастовка или стачка, которую рекомендуют почаще повторять и так улучшать организацию труда, поддерживать энтузиазм. Но даже если она срabатывает, ревпрофсоюзники всё равно не хотят использовать её для консервативного лечения общества. Для них назначение стачки не в отстаивании отдельных, предоставляемых работодателем удобств, а в разрушении всего системного взаимодействия между работником и работодателем, в бескомпромиссном освобождении трудящегося. Предполагается учинить всеобщую стачку ради прекращения работы подавляющего большинства предприятий и парализования капитализма. Сорель, ставший лицом синдикализма в глазах читающей публики, ставит всеобщую забастовку в один ряд с мифом о Втором пришествии Христа, однако подобная оценка ничуть не подходит ревпрофсоюзному активу. Если бы он убедился в мифичности общей стачки, то разочаровался бы в своей борьбе: настолько ярко и глубоко в неё верит. Социалистствующие политики сильно критиковали его за такую веру, с которой его пытаются совратить в парламентские методы борьбы. Однако ревпрофсоюзники слишком мало доверяют политикам, чтобы прислушиваться к таким советам и считать, будто революционность совместима с сохранением государства.

Цели ревпрофсоюзников куда менее ясны по сравнению с их методами. Исследователи синдикализма в основу революционнопрофсоюзной мотивации кладут слепой «жизненный порыв» Бергсона, который всё же ограничен чётким пониманием целей, не преследуемых синдикалистами.

Имеется желание уничтожить государственную власть, выставляемую капиталистическим институтом на терроризирование рабочих. Ревпрофсоюзники отрицают, что в социалистическом государстве жить станет легче. Каждую отрасль промышленности они хотят видеть самостоятельной, однако не полностью уверены, как регулировать межотраслевые отношения. Синдикалисты антимилиитаристичны в силу неприятия государства и в силу привлечения французских войск для борьбы с басту-

ющими; также из верности интернационализму — признанию, что у рабочего нет родины, а есть лишь враг в лице капиталиста. Хотя мировоззрение синдикалистов мало совместимо с миролюбием, они протестуют против войны между государствами, которая явно не в интересах трудящегося. Именно антимилитаризм более чем что другое поссорил революционные профсоюзы с властями во время недавней войны. Как и ожидалось, подобные взгляды не продержались дольше немецкого вторжения во Францию.

Идеология революционного профсоюзничества может быть проиллюстрирована статьёй в «Синдикалист Рэйлвэймен» за 1911 год:

«Всякий синдикализм, коллективизм и анархизм стремится к упразднению нынешней экономической ситуации, частной собственности на многие вещи. Однако если коллективизм проповедует всеобщее владение, анархизм — ничейное владение, то синдикализм стремится к владению от лица организованного труда. Видим здесь абсолютно профсоюзное прочтение экономической и классборческой доктрины социалистов. Решительно отвергается парламентская деятельность — основа коллективизма — и в этом отношении осуществляется воссоединение с анархизмом, от которого отличается только лишь тактической ограниченностью».

Действительно, отличие от анархизма настолько тонкое, что синдикализм предусмотрительно окрестили «организованной анархией». Несмотря на то, что выросла она на французской почве, всё же разрастается по всему миру, уже пробиваясь корневищем в Великобритании, наиболее благоприятствующей росту и плодоношению революционных профсоюзов.

Коллективизм или марксистский социализм может показаться рабочим движением, однако в нём не больше рабочего, чем в анархизме. В первом случае имеем по сути буржуазное движение, в другом — аристократическое, а в обоих — интеллигентское. Синдикализм же по своему происхождению и назначению бесспорно идеология рабочих, ничем не обязанная высшим классам и непоколебимая в стремлении их уничтожить. «Таймс» одна во всей британской прессе всегда шла в ногу с континентальными революционными профсоюзами и в 1910 году предельно ясно изложила значимость всеобщей стачки:

«Чтобы понять, о чём речь, надо не забывать наличия во Франции могущественной рабочей организации, открыто признающей своим мотивом революцию, сметающую не только действующий, а и вообще любой государственный строй. Такое движение называется синдикализмом. Здесь нам не социализм, а его противоположность, притом радикальная, не признающая ни идеального в социалистическом смысле государства, ни претендентов на коммунальное владение — угнетателей трудящегося ещё более тяжёловесных, нежели частный собственник. Огромные надежды возлагаются на всеобщую стачку, идея которой была предложена француз-

скими рабочими двадцать лет назад¹⁵ и принята Французским трудовым конгрессом в 1894 году после отчаянной, но победоносной борьбы с социалистами. С тех пор всеобщая стачка открыто признаётся политикой синдикалистов, организацией которых служит Всеобщая конфедерация труда Франции».

Иными словами, образованный французский рабочий осознал несовместимость общественной и политической деятельностей. Как общественное животное, человек не может жить без одной, однако едва уживается со второй. Содержать ненаказанного государственного мужа — чересчур дорогое удовольствие.

Лютых столкновений с властью в истории синдикализма действительно хватает. В 1907 и 1908 годах, протестуя против кровавого подавления бастующих, комитет ВКТ выпускал манифесты против «террористического правительства» и премьер-министра «человекоубийцы Клемансо». Аналогичная стачка 1908 года в парижском пригороде Вильнёв-Сен-Жорж окончилась арестом оставшихся членов комитета. В октябре 1910 забастовали железнодорожники и господин Брига арестовал организованный стачечниками комитет, выслал на их разгон солдат. Столь решительными мерами от забастовок удалось отвести, что вся энергия синдикалистов отныне направлялась в сторону антимилитаристской и антипатриотической пропаганды.

Анархисты сочувственно относятся к революционному профсоюзничеству, настаивая при этом на необходимости также насильственной борьбы. Эта позиция была озвучена на Международном анархистском конгрессе в Амстердаме в 1907 году:

рекомендуется «товарищам всех стран активно участвовать в самостоятельных движениях рабочего класса, пропагандировать синдикальным организациям идеи бунта, инициативности, солидарности, составляющие сущность анархизма». Товарищам стоит «распространять и поддерживать лишь те формы и проявления прямого действия, которые сами по себе несут революционный характер и приводят к переустройству общества... Анархисты убеждены, что развал капитализма и авторитаризма достижим единственно вооружённым восстанием, насильственной экспроприацией, а синдикалистские меры наподобие всеобщей стачки не должны отвлекать нас от непосредственной борьбы с вооружёнными силами государства».

Синдикалисты могут возразить, что если движение достаточно сильное для вооружённой победы, силы в нём настолько много, что будет достаточно и всеобщей стачки. Обычно в рабочем движении успешное насилие возможно только тогда, когда успех достижим и без насилия. Не будь других аргументов, одно это звучит убедительно против предложений анархистского конгресса.

Синдикалисты держатся отраслевого профсоюзничества в противоположность профсоюзничеству цеховому. В этом, так же как в предпочтении производственной борьбы борьбе политической, они примыкают к ещё одному движению, распростра-

¹⁵ В действительности идею всеобщей стачки в 1831 году предложил последователь Оуэна Уильям Бэндоу Лондонский.

нившимся далеко за пределы Франции. На разграничении отраслевого и цехового видов профсоюзного движения подробно останавливался Дж.-Дуг.-Хрд Коул. Цех-профсоюзничество у него «объединяет в единую организацию рабочих, которые задействованы в едином производственном процессе или в родственных производственных процессах, допускающих обмен рабочими без переквалификации». Но также «объединение может происходить не только по виду производимой работы, а и по отраслевой структуре. Всем, кто помогает производить определённый тип товара, найдётся место в общем профессиональном союзе... Общим у них будет не цех и не работодатель, а их отрасль производства. Поэтому их и называют отраслевыми профсоюзами»¹⁴.

Отраслевое профсоюзничество изобретено американцами, от которых движение отчасти перешло в Британию. Это естественная форма рабочего движения, при котором профсоюз используется не для совершенствования, а для разрушения существующей экономической системы общества. На этом настаивает в частности организация Индустриальные рабочие мира (ИРМ), связанная с Америкой настолько, насколько ВКТ связана с довоенной Францией. Разница между ними незначительна и обусловлена различием между экономическими конъюнктурами двух породивших их государств. ИРМ-щики до сих пор не договорились по поводу идеала общественного строя. Среди них затесались и социалисты, и анархисты, и синдикалисты. Единственное, что ясно в их идеологии — это признание классовой борьбы в современных условиях труда и капиталоборота, которая может быть выиграна промышленными методами, особенно забастовкой. Подобно ВКТ, ИРМ не может похвастать количеством членов, адекватным страхам их противников. Влияние Индустриальных основано не на численном превосходстве, а на моральной поддержке переживающих кризис трудящихся.

Американское рабочее движение отмечено нешуточным насилием с обеих сторон. По мнению Жуо, ИРМ действует жёстче по сравнению с ВКТ:

«Индустриальные проповедают драчливую политику, которая необходима кое-где в Америке, но невозможна во Франции».

(Иоанн Грэхем Брукс написал очень интересную книгу об этом с позиций человека, не находящегося полностью ни на стороне труда, ни на стороне капитала, но совершенно искренне обеспокоенного бескровным разрешением социальной проблемы.)

Американские условия труда весьма отличаются от европейских. Во-первых, велико могущество трестов, сосредоточение капитала в этой части света протекает максимально приближённо к Марксовым пророчествам, чего нет везде в мире. Во-вторых, огромен приток иностранных работников, создающих не мыслимые в Европе проблемы. Квалифицированные трудяги, преимущественно местные, уже длительное время состоят при гомперсовской Американской федерации труда и составляют своеобразную аристократию пролетариата. Трудофедераты склонны объединяться с работодателями против неквалифицированных иммигрантских орд и едва ли представляют собой то, что можно назвать рабочим движением. «Сейчас в Америке два

¹⁴ Прим. перев. В русском языке их называют производственными профсоюзами.

рабочих класса с различными уровнями жизни и одинаковой беззубостью в глазах работодателей. Не больше возможностей для двух пролетариатов объединиться и выдвинуть совместные требования... Американская федерация труда вместе с Индустриальными рабочими мира воплощают два различных принципа объединений, выражают также два различных рабочих класса». Последние держатся отраслевого профсоюзничества, тогда как первые — цехового.

ИРМ сформировалась в 1905 году из других организаций, главной среди которых выступила Западная федерация горняков, действующая с 1892 года. В ходе раскола пришлось лишиться последователей Делеона — лидера Социалистической трудовой партии, проповедовавшего бойкотирование выборов и неприятие насильственных мер борьбы. Руководство основанной им партии базируется в Детройте, основная же её часть — в Чикаго. Хотя идеология ИРМ-щиков ещё менее вразумительна по сравнению с идеологией синдикалистов, чётко оговорено стремление разрушить капиталистическую формацию. Как говорит секретарь организации, «единственной сделкой, на которую ИРМ пойдёт с работодателями, станет передача всего контроля над промышленностью организованным работникам».

Хейвуд из Западной федерации горняков является беспрекословным последователем Маркса настолько, насколько она держится теории классовой борьбы и теории прибавочной стоимости. Но как все ему подобные он придаёт больше значения промышленной, а не политической борьбе — даже больше, чем европейские марксисты. Отчасти это объяснимо американской конъюнктурой, при которой без пяти минут американцам нечего надеяться на избирательное право. Недаром Четвёртая конвенция ИРМ пересмотрела свою вводную часть, выпячивая меры именно неполитической борьбы:

«Рабочий класс не имеет ничего общего с классом правящим. Не может идти и речи о классовом мире, пока голод и нищета душит миллионы трудящихся людей, а горстка нанимателей пользуется всем, чем прекрасна жизнь. Противостояние между двумя классами должно прекратиться только тогда, когда рабочие всего мира организуются как класс, завладеют землёй и технологией производства, отменят окладную систему... Вместо устаревшего лозунга: „Хорошая плата за хороший труд“ нам следует избрать своим паролем: „Долой оклад“».

Многие стачки не обошлись без организации или поощрения ИРМ-щиков или Западной федерации горняков. Эти стачки показывают классовую борьбу в наиболее страшной форме, превосходящей классовую борьбу Старого света. Противоборствующие стороны никогда не медлили с применением силы. Работодатели держали свои дружины, могли обращаться к народным ополченцам, а, когда совсем туго, то и к армии США. Синдикалистское отождествление государства с капиталистическим институтом особенно справедливо в отношении Америки. Федеральное правительство назначало Комиссию по производственным отношениям, которая в своём отчёте за 1915 год вывела на свет то, что в Великобритании невозможно и представить. Согласно выводам Комиссии, «сильнейшие беспорядки и вспышки насилия в связи с производственными разногласиями обусловлены нарушением того, что считается

основополагающими правами, также от растления правительственных институтов». Среди последнего упоминается прислуживание правосудия военным¹⁵, предоставление губернаторам права казнить и миловать, использования вооружённых сил государства против бастующих. В 1914 году колорадский Ладлоу всколыхнула битва между горняками и ополченцами, заживо сожжено множество женщин и детей. Можно привести и другие трагедии, однако для демонстрации уникальности классового антагонизма в США сказанного будет достаточно. Боюсь, можно допустить, что такая ситуация сохранится до тех пор, пока большинство трудящихся не перестанут составлять свежеприбывшие иммигранты. Рано или поздно эта проблема снимется, и тогда рабочий класс смягчится, найдёт своё место в обществе. Тогда и само рабочее движение Америки примет европейский вид.

Тем временем, меняя форму, но не мотивацию, заокеанское отраслевопрофсоюзное движение мощно влияло на Великобританию, будучи ещё усиленным заламаншным синдикализмом. Очевидно, что выбор в пользу профсоюзов отраслевого, а не цехового масштаба абсолютно необходим, если в изменении экономической системы общества отводить им большую, чем политикам, роль. Цеховой профсоюз не способен объединить людей против их врага, а отраслевой — способен. Само по себе английское профсоюзное движение далеко от отраслевого, хотя в некоторых отраслях, например, в железнодорожном транспорте, очень много сделано в нужном направлении. Замечательно, что британские железнодорожники особенно сочувствуют революционному и отраслевому профсоюзным движениям.

В рафинированный синдикализм обратить Британию всё же не удалось: не переваривает наш менталитет излишней революционности и анархичности. Иное дело, если в слегка преобразованном виде гильдейского социализма, выведенного из идей ИРМ и ВКТ¹⁶. Это движение ещё в зародышевом состоянии и не обзавелось огромным влиянием, однако пользуется уже искусной защитой молодёжного кружка, заручается кой-каким успехом у идеологов рабочего движения. За время войны мощь государства значительно возросла, не позволяя ждать от неё чего-либо путного, поэтому гильдеисты стремятся к производственной автономии с последующим ослаблением, но не устранением государства. На мой взгляд, такая система — лучшее из всего предложенного, единственный вариант обеспечить свободу без дамоклова меча в неконтролируемого насилия при анархии.

¹⁵ «Хотя общепризнано, что предписание о предоставлении арестанта суду может быть приостановлено только законодательством, при производственных волнениях исполнительная власть своевольно приостанавливала или игнорировала предписание... В случаях успешного подстрекательства к беспорядкам суды потакали вооружённым отрядам, не пытались их утихомирить. Исключение составил суд штата Монтана, который аннулировал приговор гражданину от военного трибунала» (Отчёт)

¹⁶ Отношение синдикалистов к гильдеизму далеко от сочувствия. Статья «3'Синдикалист» за 1914 год говорит, что «при всей недоразвитости среднего класса гильдейский социализм оказывается продуктом наивысшего напряжения мещанского интеллекта. Бесстрастный плагиат передовых идей синдикализма, пропущенных через извращённый ум... Мы против государственной идеи... гильдеистов. Средний класс, даже осоциализенный, всё равно не избавится от понимания, что он выше трудящихся, что их нужно просвещать, строить, воспитывать очень долгий период, пока те не научатся стоять на ногах. Истинен же на самом деле противоположный взгляд... Голая правда, что не блещущий умом рабочий гораздо лучше о себе позаботится, нежели полубразованный мещанин, лезущий с советами к трудяге. Который только и знает, что вращает мир».

Первая же брошюра «Лига национальных гильдий» провозгласила важнейшие принципы такой Лиги. Каждой фабрике причитается контроль за средствами и технологией своего производства посредством выборных руководителей. Фабрикам одной отрасли следует объединиться на федеральных началах в национальные гильдии, которые будут заботиться о сбыте товара и общих интересах своей отрасли. «Средства производства отводятся государству как доверительному собственнику общества. Управлять ими будут нацгильдии, тоже в качестве доверительного собственника общества, также брать средства труда у государства под лизинг. Всеобщие интересы нацгильдий, выходящие за пределы общественных интересов, окажутся нарушением общественного доверия и потребуют подчинения приговору суда, представляющего как всех производителей, так и всех потребителей. Подобная комиссия станет высшей инстанцией, верховным производственным судом. Так удастся урегулировать не только лишь гильдейское налогообложение, но также и цены, оба из которых должны постоянно меняться». Каждая нацгильдия будет вольна распределять прибыль по своему усмотрению между всеми, кто задействован в её отрасли. «Распределение гильдейской прибыли среди её членов представляется личным делом каждой нацгильдии. Примут ли все они принцип равной платы каждому работнику, большой вопрос». Гильдейский социализм заимствует у синдикалистов неприятие государства в качестве работодателя: «Как работодатели государство и муниципалитет не слишком отличаются от частного капиталиста». Государство по своим потребностям похоже на потребителя, в то время как гильдейцы пытаются стоять на стороне производителей. Поэтому парламент не будет сильнее Конгресса национальных гильдий — всего лишь первый орган будет представлять интересы потребителей, а второй — производителей. Над обоими органами будет стоять комиссия из членов парламента и Конгресса, отстаивающая интересы и потребителей, и производителей. Традиционный социализм у гильдейцев представляет собой ограниченно потребительский, а синдикализм — ограниченно производительский взгляды. «Проблема в том, как помирить эти две точки зрения, на разрешение которой предложена идея нацгильдий. У синдикалистов вся власть должна принадлежать производственным организациям, у коллективистов — территориальным или политическим организациям потребителей. Оба подхода уязвимы для одинаковой критики: нельзя помирить две точки зрения, игнорируя одну из них». Хотя гильдейзм претендует на исправление двух равно оправданных позиций, свою жизненную силу он заимствует у синдикализма. Подобно последнему, он желает не только лучше наградить труд, а и закрепить данное, как и другие, достижение посредством повышения интересности и демократичности труда.

Ведь капитализм извратил труд, сделав его полностью механическим, бездушным и безрадостным. Но заменить лишь наживу одному человеку служением в пользу нацгильдии, погоню за объёмами продаж — ответственной работой, подавляющее величие государства и акционерного общества — самоуправлением и децентрализацией, и снова наслаждение трудом станет возможным, а качеством работы можно будет гордиться наравне с количеством. Здесь доля средневекового лицемерия, «радостей трудов», которое всё же лучше смирения с капитализмом и коллективизмом, по которым труд всегда зло, в лучшем случае окупаемое более длительным и богатым досугом, лизоблюдством властей.

Как бы ни выглядела воплотимость синдикальных проектов, нельзя сомневаться, что они много сделали для реанимации рабочего движения и возвращения друзей труда из воздушных замков в по-настоящему насущные вопросы. Человек для синдикалистов — производитель, а не потребитель. Они наиболее озабочены свободой в труде, а не повышением материального благополучия. Они направили поиски в русло свободы, которое слегка засорилось при засилье социалистов в парламенте; напомнили о потребности нашего общества не в переливании из пустого в порожнее, не в мелких улучшениях по милости власть имущих, а в коренном переустройстве, уничтожении всех источников угнетения, высвобождении созидательной энергии человека, в полностью новом способе планирования и регулирования производства вместе со всей экономикой. Эта заслуга столь велика, что незначительные изъяны течения не вредят возрождению могущества синдикализма, даже нокаутированного войной.

II. Думы

4. Труд и оклад

Всякому политическому мечтателю предстоит два вызова: природный и человеческий. В общем говоря, с сопротивлением природы борется естествознание, а с сопротивлением человека — менеджмент.

Вся экономика сводится к тому, что природа кормит только под действием труда. Необходимость трудиться ради удовлетворения наших нужд не навязана нам политической системой или злыми эксплуататорами, просто так устроен мир — этот факт реформатор должен принять и изучить. Перед тем, как поведись на очередной экономический проект, следует проверить, нет ли на нём непреерекаемого вето со стороны физических условий производства и можно ли их вообще хоть как-то изменить усилиями учёных и организаторов. В подобной проверке необходимо обратиться ко двум взаимосвязанным учениям: мальтузианскому о возрастании численности населения и менее вразумительному при всей своей распространённости взгляду, что всякая прибавка к прожиточному минимуму достижима только тогда, когда большинство людей мучительно и монотонно трудится, не оставляя себе досуга на цивилизованное существование и рациональное удовольствие. (Прибавку можно получить, если не иметь времени этой прибавкой пользоваться. — прим. перев.) Мне не кажется, что какое-то из двух указанных препятствий выдержит придиричивое рассмотрение. Я лично верю в возможности улучшения технологии производства, которые в ближайшие столетия не дадут помешать увеличению благосостояния, выработки и досуга.

Этой проблемой занимался Кропоткин, который, не взирая на его политические фантазии, всё же замечательно конструктивен, точен и убедителен при обращении к сельскохозяйственным вопросам. Дело в том, что социалистов-анархистов породили индустриальные реалии и весьма немногие из них обладали практическим пониманием проблем производства пищи. Кропоткин же составляет исключение. Две его книги, «Хлеб и воля» с «Полями, фабриками и мастерскими», переполнены такими убедительными подробностями, что, даже делая скидку на неуместный оптимизм, я не склонен отрицать демонстрацию в них невероятных возможностей.

Мальтус бы возразил на них, что численность населения стремится перерасти возможности сельского хозяйства; что производство продуктов питания становится всё дороже; что несмотря на краткие периоды изобилия, обеспечиваемые очередным научным открытием, тьмы людей всегда будут прозябать на самом низком уровне жизни, который ещё допускает выживание и размножение. В приложении к цивилизованным народам подобный прогноз не оправдывается вследствие резкого падения рождаемости, но даже и без этого возражения мальтузианству много чего ещё можно противопоставить — во всяком случае, на ближайшее будущее. Столетие,

которое минуло с момента предложения Мальтусовой теории, видело значительное повышение уровня жизни трудящихся, и благодаря существенному повышению продуктивности труда можно ожидать куда большего возрастания уровня жизни, будь система распределения благ более справедливой. Во время оно один работник мог сделать немногим больше необходимого для существования одного же человека. Маловозможно было как сократить рабочее время, так и повысить численность людей, потребляющих не только жизненнонеобходимое. Но это положение вещей было исправлено внедрением современных методов производства. В настоящий момент люди не только наслаждаются доходом от ренты или дивиденда, но и половина населения многих цивилизаций задействована не на производстве товаров, а в военно-промышленном комплексе. В мирное время вся эта половина рабочих рук пребывает в бездействии, но от этого остальная часть населения живёт не беднее, чем в военное время. А если при этом работников ВПК задействовать на производстве товаров, доход возрастёт ещё больше. Производительности нынешнего британского труда хватило бы на $1\frac{\text{£}}{\text{день}}$ каждой семье даже без очевидно возможного совершенствования технологии производства.

Но нельзя умолчать, что по мере роста численности населения цена на продукты питания неумолимо возрастёт в силу большего напора на источники снабжения в Канаде, Аргентине, Австралии и прочих странах. Должно прийти время, когда еда станет настолько драгоценной, что рабочему вряд ли останется надеяться на прибавку к её стоимости. Можно признать, что в весьма отдалённом будущем так всё и будет, если люди не прекратят размножаться кроличьими темпами. Когда вся поверхность земной суши будет заселена столь же плотно, что и нынешний Лондон, можно не сомневаться, что почти весь труд будет сводиться к обработке немногих угодий. Однако нет повода ожидать непрерывности роста численности населения и нет повода принимать в практический расчёт настолько отдалённые перспективы.

Рассеивая туман демографических спекуляций, проясним теперь факты, установленные Кропоткиным. В своих сочинениях он доказывает, что интенсивное развитие сельского хозяйства способно на чудеса, не ожидаемые малоинформированными людьми. Говоря о британских, припарижских и прочих огородах, он отмечает:

«Создатели новой системы земледелия шли эмпирическим путём, но, подобно скотоводам, открывшим новые горизонты для биологии, они открыли новое поле для экспериментальных исследований в области физиологии растений. Они улыбались, когда мы превозносили севооборотную систему, дающую ежегодно с одного и того же поля один сбор хлеба и никак не более 4 жатв в 3 года, так как сами стремились собирать ежегодно от 6 до 9 сортов различных растений с одного и того же участка земли; они не понимали наших подразделений на хорошую и дурную почву: они сами создают почву в таком количестве, что даже принуждены ежегодно её продавать, и стремятся собирать с десятины не 837–1000 пуд. трав, как мы, а от 8370 до 16740 пуд. различных овощей и получать доход не в 130 руб. с десятины на сене, а в 2538 руб. выращиванием самых простых овощей — капусты и моркови. Таковы стремления современного земледелия».

Что касается животноводства, то Кропоткин упоминает некоего господина Чемпена, который с каждого уитбийского акра может прокормить по две-три головы крупного рогатого скота, при том что обычная британская ферма требует два-три акра для прокорма одной головы. Куда более удивительные достижения демонстрирует припарижское овощеводство, они не поддаются даже точному подсчёту:

«Опытные огородники теперь утверждают, что вся растительная и животная пища, нужная для 3500000 жителей департаментов Сены и Уазы, может получаться с их собственной территории 7312 кв. вёрст, притом не прибегая к другим приёмам земледелия, кроме тех, которые уже испытаны и применяются в широких размерах».

Нельзя забывать, что эти два департамента включают в себя всё население Парижа.

Кропоткин идёт дальше и указывает на способы достичь таких результатов без продления рабочего дня. Он настаивает, будто огромное количество сельскохозяйственных работ осуществимо людьми сидячей профессии, притом за считанные часы — своеобразная смена деятельности, здоровая и приятная разминка. Кропоткину очень не нравится чрезмерное разделение труда. Он хочет использовать «те преимущества, которые цивилизованное общество может извлекать из сочетания промышленной деятельности с интенсивной земледельческой культурой и умственной работы с ручным трудом».

Все эти взгляды на производство не имеют существенного отношения к кропоткинской апологии анархизма. Они равно уместны и в социалистическом государстве, при определённых условиях достижимы капиталистическим режимом. В данный же момент они особенно важны не для выяснения преимуществ одной экономической системы перед другой, а в виду возможных послаблений для наших надежд со стороны природы. Я подробно остановился на сельском хозяйстве, а не на промышленности, поскольку именно с этой стороны следует ожидать главных трудностей. По большому счёту, индустриальное производство представляется более дешёвым, и нет поэтому смысла ожидать повышения стоимости ресурсов от повышения спроса на продукцию.

Оставляя чисто материальную сторону вопроса, теперь переходим к человеческому фактору, к мотивации трудящегося, к возможностям рациональной организации производства и к связи производства с распределением. В защиту статуса-кво выдвигают положение, будто результативный труд невозможен без экономического стимулирования и при отмене окладной системы никто не захочет достаточно трудиться, чтобы общество пребывало в комфорте. Из-за предполагаемой необходимости в экономической мотивации к проблемам производства товаров приплетаются проблемы их распределения. Потребность в более справедливом распределении вселенских благ наиболее вдохновляет социалистов и анархистов, поэтому очень важно оценить, насколько предлагаемая ими система распределения снижает уровень производства.

В вопросах распределения социализм коренным образом отличается от анархизма. Первый, по крайней мере, в большинстве своих течений, сохранит оплату труда или готовности к труду и, за исключением случая нетрудоспособных лиц, готов сделать такую готовность условием существования вообще или выше определённого

низкого уровня жизни. В противоположность этому анархизм предлагает каждому абсолютно безусловное предоставление стольких благ, сколько человек пожелает употребить; если же блага редкие и затрудняют снабжение ими всех людей, их выдача подлежит дозированию и равномерному распределению между всеми. Таким образом, безвластие не навязывает вообще никакой работы, предполагая, однако, улучшение качества труда до его приятности и желательности для добровольного отправления большинством людей. С другой стороны, социалисты требуют, чтобы каждый трудился. Одни пекутся о равенстве зарплат для всех, другие хотят лучше оплачивать более необходимую работу. Хотя все эти различные системы объединяет совместное владение землёй и капиталом, мы всё равно оказываемся в положении лебеда, рака и щуки.

В отношении экономической стимуляции труда социализм неравных доходов не слишком отличается от того, как мы сейчас живём. Однако социалистическое неравенство нам кажется правильным. Современный общественный строй допускает праздность очень многих, кто унаследовал землю или капитал. Немалое число прочих задействовано в промышленности или финансовом деле и в своём доходе они бьют рекорды всех излишеств, превышающих степень полезности их труда. А если посмотреть на тех, кто своими изобретениями и открытиями приносит обществу ни с чем не сравнимую пользу, то признания от капиталистического общества они могут и не дожидаться. Те же, кто хочет хорошо зарабатывать, должны сперва потратиться на учёбу, да и после неё надо полагаться обычно на удачу, а не на личные качества. Рабочим платят не за готовность к труду, а только лишь за полезность работодателю. По не зависящим от них обстоятельствам они рискуют обнищать, что обещает незаслуженные страдания и обесценивание жертв. Касательно производства можно привести множество других зол нашего общественного строя, и всё это вроде бы можно исправить при социализме.

Выясняя, насколько труд требует экономической стимуляции, никак нельзя обойти два вопроса. Первый: стоит ли обществу лучше оплачивать более квалифицированный или более ценный ему труд, если он и так достаточно выполняется? Второй вопрос: возможно ли сделать труд настолько привлекательным, чтобы последние лентяи, даже пресыщенные продукцией, всё равно работали в достаточном количестве? Первая проблема лежит на распутье между двумя течениями социализма: за разную оплату разного труда и за окладное равенство всем работникам. Вторая же проблема стала камнем преткновения между социалистами и анархистами: одни отказываются кормить тунеядцев, другие в целом готовы это делать.

¹ «Мы замечаем... множество всевозможных попыток, сделанных именно в направлении коммунизма, либо частного, ограниченного, неполного, либо даже полного... Прибавьте к этому ещё учёные общества, которые за такую-то плату в год дают вам библиотеку, комнаты для ваших работ, музей или зоологический сад, которые ни один миллионер не может купить на свои миллионы... И, наконец, мы имеем ещё тоже быстро разрастающиеся городские учреждения коммунистического рода. Город берётся доставлять всем воду за столько-то в год, не считая в точности, сколько вы израсходуете воды; точно так же — газ и электричество для освещения и как рабочую силу, — во всех этих городских предприятиях те же попытки социализации потребления прилагаются в масштабе, который расширяется с каждым днём» — «словом, мы имеем перед собою сотни учреждений, возникших очень недавно и распространяющихся с необыкновенною быстротою, основанных на началах приближения к коммунистическому пользованию... начало уже положено» (Кропоткин).

Последний вопрос намного важнее первого и требует немедленного разбора, в ходе чего будет много сказано также по поводу окладного (не)равенства.

Лозунг: «Долой оклад» наиболее популярен у анархистов. Хотя передовые социалисты тоже так скандируют, на этот пароль естественно предоставить права только безвластникам. По их теориям, каждый человек из общины получит неограниченный доступ ко всем товарам, подобно тому, как в настоящий момент всем доступна вода¹. При защите подобной системы указывают на многие вещи, за которые в старину платили: речь, например, о дорогах и мостах. Уж если это стало бесплатным, то следует ожидать бесплатных трамваев, метро и электричек. Можно зайти ещё дальше и — соответственно кропоткинской вере во всемогущество почв — надеяться на раздачу пищи всем нуждающимся из-за несложности её производства в количествах, достаточных для удовлетворения любого мыслимого спроса. Если это соображение распространить на все товары первой необходимости, прожиточный минимум будет обеспечен каждому независимо от того, как кто будет проводить своё время. Что до товаров, не производимых в безграничном количестве, (предметы роскоши, лакомства и прочее) они тоже должны распределяться без оплаты, но равномерно среди всех. Понятно, хоть и не озвучено, что без какого-нибудь подобия платы дефицитный товар не обойдётся, что каждому придётся выбирать, в чём и какую иметь долю: один предпочитает доброе вино, другой — гаванские сигары, третий — картины или мебель. Видимо, чтобы уравновесить спрос, придётся ввести какую-то цену товаров непервой необходимости. В таком обществе полностью исчезнет экономический стимул что-либо производить и к труду должны будут подталкивать совсем другие побуждения.

Возможна ли такая система? Мыслимо ли, во-первых, достать товаров первой необходимости в количестве, достаточном, чтобы каждый человек мог взять из общественных складов, сколько ему захочется?

Сама по себе идея платы и обмена настолько привычна, что избавление от них кажется дикой фантастикой. Всё же я не считаю, что это настолько фантастично, как кажется. Даже даровой хлеб невозможно потреблять в бесконечных количествах. Для богачей он действительно кажется почти даровым, а благодаря успехам мелиорации всем людям доступно есть хлеба не меньше, чем едят богачи (я говорю о мирном времени). Человеческая потребность в продуктах питания имеет свои естественные пределы, а жертвы на производство достаточного количества наверняка могут стать незначительными. Как замечают анархисты, нашим современникам доступно безграничное количество воды при том, что мало кому сложно закрыть неиспользуемый кран. Ещё и по причине общественного осуждения излишнего расточительства. Так что можем, я думаю, поверить в свободу неограниченного потребления предметов ограниченного спроса, удовлетворяемого малыми усилиями. Таковая вполне достижима при эффективной организации производства — не только товаров, а и таких вещей, как образование. Даже если всё образование, вплоть до высшего, сделать бесплатным, молодёжь старого, доанархистского режима всё равно не захочет слишком много учиться. Всё сказанное справедливо для простой еды, простой одежды и прочих составляющих минимальной потребительской корзины.

Следовательно, бесплатный анархистский делёж в принципе возможен.

Вот только можно ли ожидать необходимого труда от тех, кто уверен, что проживёт и без работы?

Многие без колебания дадут отрицательный ответ. Редкому работодателю не мерещится вокруг одно лишь пьяное нерадивое мужичьё, от которого нечего ожидать труда без угроз сокращения штатов. Но можно ли надеяться на лучшее? Если человеку и дальше будет работаться, как сейчас, без сомнения, что пахать пойдут только с голоду. Однако зачем ожидать, будто рабочий процесс навсегда останется угрюмо-однообразным и усугублённым скотскими условиями труда?² Если охота к труду пуще неволи, все силы действительно надо бросить на то, чтобы его подсластить. Но до поры, пока вся работа не превратится в сплошной праздник, нечего ждать установления счастливого общества. Неужели и вправду рабочих мук не избежать?

В наш век обычно лучше всего платят за приятную работу. Не то, чтобы бизнесменам, адвокатам или преподавателям не на что было пожаловаться, просто в целом их жизнь счастливее жизни тунеядцев с таким же доходом. Деятельному человеку для поддержания его душевного здоровья и жизненного тонуса просто необходимо какое-то напряжение его сил, некое продвижение по службе. Очень многое делается без денежного вознаграждения. Как бы идеалисты ни отвращались от судейства, что от чистки выгребных ям, циники всё равно могут указать на садистские радости наказания, ощущения своего нравственного преимущества, достаточные почтенному старику, чтобы даже без вознаграждения посылать на муку виновных. И помимо упоения своей деятельностью, многие люди работают ради честолюбия и самоактуализации.

Но всё равно надо признать, что редко у кого душа лежит к труду: огромная туча необходимой работы способна вызвать лишь негативный отклик. Ну кто, имея доступ к лёгкой жизни, по собственному желанию станет лезть в угольную шахту или жариться у лайнерной топки? Никуда не деться от суровой правды, что бóльшая часть необходимого труда всегда будет совершаться через «не хочу» — возможно, ради особых привилегий, если речь идёт о безначальном общественном строе. Разумеется, система привилегий сильно уродует утончённую логику безвластников, однако я всё равно не вижу тут смертельной раны для анархистского проекта. Если вопросу уделить внимание, то всегда можно договориться, как отплатить за неприятную работу. Даже в наши времена труд делает невыносимым его длительность. Достаточно норму рабочих часов снизить, скажем, до четырёх, что достижимо при совершен-

² «Человеческой природе отвратительна не работа, а переутомление. Переутомление бывает ради излишеств немногим, труд же — ради благополучия всем. Работа суть физиологическая потребность, необходимость высвободить накопленную телесную энергию и необходимость здоровая, являющаяся жизнью самой по себе. Если ко многим полезным областям труд прикладывается неохотно, так это лишь потому, что он подразумевает переутомление или неправильную организацию. Но мы знаем, как знал Франклин, что четыре часа полезного труда каждый день будет более чем достаточно для поддержания каждого в комфорте умереннообеспеченного среднеласного дома, если все мы посвятим себя продуктивной деятельности и не будем тратить своих сил, как это делаем сейчас. В ответ на детский, пятьдесят лет задаваемый вопрос: На кого перекладывать неприятный труд? я искренне сожалею, что ни одного из наших учёных так и не убедили взяться за него самих и его поддержать — хотя бы на один день. Если и есть в наш век существенно неприятный труд, так только потому, что учёные мужи никогда не пытались найти способ сделать его менее неприятным, а знали лишь, что за жалкую копейку в день его готовы исполнить тьмы голодающих» (Кропоткин).

ствовании организации и технологии производства, как деятельность перестанет казаться бременем. Если пожизненное однообразное подвижничество неотёсанного крестьянина, близкого к бедности, сделать всего лишь эпизодическим занятием пролетариев и служащих; если допотопные методы труда, не уживающиеся ни с каким интеллектом батрака, подменить возможностью вольного рационализаторства, поощрением умственного сотрудничества наравне с сотрудничеством физическим, то работать будут не на износ, а на здоровье и с радостью.

Аграрные истины анархистов одинаково справедливы в отношении промышленности. Утверждают, что если прибыльные организации, находящиеся сейчас в руках капиталистов, постепенно сделать самоуправляемыми коммунами с оставлением методов, условий, часов работы на усмотрение производителям, то путь к счастливому будущему полностью будет открыт. Шум и загрязнённость поддаются уменьшению, в безобразных индустриальных районах способна расцвести красота, научный интерес к процессам производства можно разделить между всеми людьми с их врождёнными умственными задатками, а само производство будет направляться неким подобием художественного инстинкта. Всё это весьма далеко от реальности, но якобы может быть к ней приближено при помощи самоуправления. Вынужденны признать, что при таких условиях даже уверенность в завтрашнем дне не отобьёт охоту к труду. В отношении оставшихся позволим себе допустить особое вознаграждение, вещественное или моральное. Серьёзных возражений тут не возникает.

Конечно, в подобном мире найдётся место и для лентяев. Если их процент небольшой, можно махнуть рукой. Однако к таковым могут отнести художников, писателей, интеллектуалов — всех тех, кого презирают при жизни, но боготворят после смерти. Таким очень важно жить по принципу: «собака лает — ветер разносит». Кто бы ни оценил, как много поэтов были обеспеченными людьми, всегда придёт к выводу, что у бедных поэтический дар не развивается. Поскольку глупо ожидать от богачей большей одарённости, то всё дело в свободе не трудиться. Свобода для таких людей, немногих избранных, должна быть противопоставлена свободе простых тунеядцев.

До сих пор мы, в основном, ласкали слух анархистов. На мой взгляд, их проекты обещают возможный успех, однако не настолько вероятный, чтобы умному человеку браться за их воплощение.

Достижимость анархистского потребительского равенства — вопрос количественный. В целом говоря, безвластники предлагают: чтобы общие блага распределялись всем желающим; чтобы не было никакого (вне)экономического принуждения к труду.

Каждое предложение не обязательно должно подразумевать другое, а совместное их выполнение не обязательно приведёт к установлению безвластного строя, хотя без этого никакой анархии вообще не будет.

Что касается первого пункта, то в отношении некоторых благ он осуществим хоть сейчас; в отношении других — в ближайшем будущем. Это весьма гибкий план, поскольку тот или иной предмет потребления можно внести в меню, а можно убрать, смотря по обстоятельствам. Преимуществ не счесть, а с развитием человечества их будет ещё больше. Мы вынужденны признать, что мелкими шажками мы можем достичь до подобного рая.

Но в отношении второго предложения сомневаться приходится сильнее. Анархисты предполагают, что если все поведутся на их предложения, без работы не останется практически никто. Если только убеждать в этом направлении приходится очень долго, то для практического воплощения предстоит сказать ещё больше. Возможно, в обществе, приученном к промышленности, привычка работать сохранится в виде ритуала и без экономического принуждения³, однако весьма ненадёжно на таковую надеяться. Будь общественные аттитюды настолько сильны, пришлось бы как-то делить общество на общины и кормить их не большим, чем они произведут. Так возродится экономическое принуждение, которое не позволит никому жить в праздности. Сама по себе система достижима, но перечеркнёт дух анархизма, подорвёт основу его экономики.

Ортодоксальносоциалистический подход к такому вопросу весьма отличается от анархистского⁴. Первейшей мерой Манифест коммунистической партии требует «одинаковую обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия». У социалистов потребление надо заслужить трудом, но не без исключений на случай пенсионного, малолетнего возрастов, инвалидности, вынужденной бездеятельности. Но даже при этом в основу социализма положен принцип трудовой повинности, обеспечиваемый угрозой голодной смерти или уголовной ответственности. Разумеется, признанной станет только выгодная властям работа, а производство антисоциалистических книг трудом считаться не будет, равно как неакадемическая живопись или нелюбезная цензорам драматургия. Не будет места никакому новаторству, если только гений не прибегнет ко блату или подкупу. Такие перспективы не учтены социалистами, которые ожидают при власти нынешних апологетов их движения. Разумеется, это иллюзия. У истэблшмента социалистического государства будет не больше сходства с нынешними социалистами, чем у современных попов — с апостолами Христа. Самоотверженным идеалистам легко затеряться среди амбициозных охотников на кресла, никогда не отличающихся толерантностью и либеральностью.

Социалистические проекты вообще не более радужны, чем анархистские. Помимо современных неприятностей, надо ещё готовиться к неприятностям социалистического будущего, которые не вписываются в принцип «не навреди».

Значит, анархизм гарантирует нам свободу, социализм гарантирует труд; но что будет гарантировать нам и то, и то? На мой взгляд, выход есть.

Мы не увидели, что может помешать обновлённому наукой и менеджментом труду обеспечивать бесплатно всех людей. Единственной трудностью безначального режи-

³ «Что до набившего оскомину возражения, будто некому станет работать без личной необходимости, то мы вдосталь наслушались его по поводу эмансипации американских рабов, как и до раскрепощения российских крестьян, отчего мы видим истинную цену данного возражения. Не нам убеждать тех, кого убеждают факты. А что до спорщиков, то надо бы им понимать: будь даже так с некоторыми частями людского рода на ранних стадиях развития (о которых мы вообще что можем знать?) или в малых общинах, или у отдельных личностей, с горя отчаявшихся побороть их неблагоприятные обстоятельства, всё равно целые цивилизованные нации современности данными соображениями не затронуты. Для нас труд привычен, а праздность развита искусственно» (Кропоткин).

⁴ «Разделяя столь синтетический взгляд на производство, анархисты не видят, подобно коллективистам, что вознаграждение работнику по часам производства им благ может дать идеальное или почти идеальное общество» (Кропоткин).

ма мы увидели недостаточное побуждение к этому самому труду. Но что помешает нам постановить, чтобы при бесплатном снабжении прожиточным минимумом всё, выходящее за пределы такового минимума, предоставлялось лишь работникам — не только постоянным, как сейчас, но и безвинно бездействующим? Даже в наше время далёкие от нищенства, но всё равно не довольные доходом рантье готовы пойти даже на работу, лишь бы обзавестись предметами роскоши. В нашей утопии это тоже может сработать. А если кто вдохновлён на непризнанные искания в области науки или искусства, ничто не будет принуждать его отвлекаться от выбранной деятельности. Что касается сравнительно небольшой группы бомжей, безотчётно боящихся всякой работы, они и дальше смогут бездействовать, никому не мешая: нет серьёзных оснований ожидать с их стороны размножения и притеснения трудягам. Значит, свободу можно совместить с экономическим принуждением к труду. Я предвижу подобной системе намного больше шанса на успех, нежели последовательному анархизму или ортодоксальному социализму.

Более кратко: мы отстаиваем обеспечение прожиточного минимума всем, даже неработающим, но чтобы задействованным в труде, который общество признало полезным, доплачивали настолько больше, насколько позволяет валовая продукция — всё, что произведено. Отсюда можно идти дальше. Вряд ли всегда необходимо лучше оплачивать более квалифицированную или более необходимую обществу работу, ведь она интересней и почётней, чем обычная, поэтому и так представляется более привлекательной. Зато можно обеспечить дополнительный доход тем, кто готов трудиться только вполсмены, а наибольший — подвизающимся в особенно неприятной деятельности. Подобная система замечательно вписывается в социалистический идеал, хотя и плохо уживчива с анархией. На преимуществах проекта надо остановиться подробнее, но я и так удовлетворён примирением свободы со справедливостью, равно как устранением специфических опасностей обществу со стороны безначалия и ортодоксального социализма.

5. Власть и право

По самому своему определению власть противоречит свободе, которая есть наивысшее из политических благ⁵. Какой-нибудь резвый мыслитель поспешит объявить право и правительство подлежащими устранению, если действительно нашей целью является свобода. Однако подобный силлогизм, независимо от степени его истинности, не настолько прост в доказательстве. Данная глава посвящена доводам анархистов против государства и его законов. Исходить будем из допущения, что свобода является конечной целью хорошего общественного строя, — допущения, которое одно ставит аргументацию безвластников под вопрос.

Уважение к чужой свободе противоестественно большинству людей, ведь зависть и самодурство легко побуждают вмешиваться в чужие судьбы. Не будь государствен-

⁵ Нельзя сказать, что свобода есть наивысшее из всех возможных благ, ведь самое лучшее вроде творчества, любви и мысли не имеет к ней отношения. Названные вещи можно поддержать или подавить политической властью, но они не её продукт. Свобода же, сама по себе или в сравнении с ними, — лучшее, что может дать политика и экономика.

ного принуждения, мы не могли бы и надеяться на свободу для всех. Сильный притеснял бы слабого, большинство — меньшинства, насильник — миролюбивого. Боюсь, что эти гнусные позывы не полностью обусловлены плохим общественным строем, который всё же потворствует состоятельности и воспитывает наилучшие человеческие качества. Любоначалие, от рождения свойственное амбициозным личностям, признано правилом нынешней системы властных отношений. Вряд ли воля к власти будет сильна в обществе, не допускающем излишнего начальствования. Тем не менее, я не могу ожидать полного устранения властолюбия в любом обществе, особенно если в нём найдётся место для энергичных личностей и прирождённых политиков. Не будучи организовано ограниченными обществом, они могут (почти) преуспеть в построении деспотий, устранимых лишь длительными общественными беспорядками. Помимо политических амбиций надо учитывать также волю к власти над отдельными людьми. Не будь террор и обещание террора ограничены законом, мы никуда бы не делись от мужнина насилия над жёнами и родительского насилия над детьми. Общественные обычаи действительно могут обуздать семейную жестокость, но без законодательного закрепления таковые долго не протянут. В лесных коммунах, стоянках горняков и прочих подобных местах люди быстро возвращаются к варварству — что в суждениях, что в поступках. Поэтому до тех пор, пока человеческая природа не изменится, куда свободней будет в нетерпимых к проявлениям самодурства обществах, нежели там, где каждому позволено следовать всем своим побудкам. Но хотя признаётся потребность в каком-нибудь праве, всё равно необходимо не забывать, что власть, даже государственная, тоже является злом, пусть и меньшим. Перед тем, как отдаваться на произвол государству, нужно тщательно всё взвесить. И приветствовать всяческую возможность держать его на цепи, настолько короткой, насколько она ещё позволяет спастись от частной власти.

Власть государства наполовину правовая, наполовину экономическая: неугодные поступки оно карает уголовной ответственностью, а неугодных граждан — перекрытием средств к заработку.

Представления Маркса о государстве не вполне ясны. С одной стороны, он солидарен с современными апологетами диктатуры пролетариата, но с другой — предвидит исчезновение государства, каким мы его знаем, после социалистической революции. Среди рекомендаций Манифеста коммунистической партии кое-что действительно играет на руку государственности, например «централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией» или «централизация всего транспорта в руках государства», или такие слова:

«Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и всё производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путём революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими про-

изводственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и своё собственное господство как класса.

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Подобный взгляд Маркс пронёс до самой своей могилы, и неудивительно, что его последователи подались в госсocialисты (хотя бы только на время, пока государство не одолеть). С другой стороны, синдикалисты, взявшие от Маркса только доктрину классовой борьбы, отвращаются от государства и не успокоятся, пока оно не исчезнет полностью — в этом отношении они близки к анархистам. Гильдеисты же, хоть и ославлены как экстремисты, но всё равно воплощают в этом вопросе любовь англичан к компромиссам. Синдикальные лозунги о присущих государству опасностях поспорили гильдеистов с госсocialизмом, но и не подтолкнули их в объятия к анархистам. Пришли к предложению равноправия двух органов власти, один из которых представляет интересы потребителей, объединённых по географическому принципу, и сохраняет преемственность по отношению к демократическому государству; другой же представляет интересы производителей, объединённых по гильдейской принадлежности, и организованных в виде отраслевого профсоюза. Так получают две власти над двумя различными классами. Гильдеисты не ожидают от рабочих властей никакой роли в функционировании государства, сильно привязанного к строго определённым странам. Зато рабочая власть сама всё больше походит на государственную, обладая средствами принуждения, используемыми в случае необходимости. Ожидается, что даже синдикалисты не будут протестовать против профсоюзного принуждения по отношению к его членам. По строгости правление профсоюза наверняка будет походить на правительство нынешнего государства. При этом мы понимаем, что умножение властей поставит крест на безвластии и профсоюзной революционности, что, боюсь, не слишком рискованное предположение, если судить по делам.

О чём сильнее всего толкуют, так это об анархистской идее ненужности общественного принуждения. Как и во многом другом, в этом анархисты менее правы, чем кажется. Кропоткин, самый искусный защитник безначалия, обращает внимание на всё, что уже достигнуто одним лишь методом свободного договора. Он отнюдь не готов отказываться от коллективного руководства, только от общественной системы, навязывающей решение тем, кто с ним не согласен⁶. Система парламентского

⁶ «Государство нередко смешивают с правительством. И так как государство не мыслимо без правительства, то иногда говорят, что следует стремиться к уничтожению правительства, а не к уничтожению государства. Мне кажется, однако, что государство и правительство представляют собою... два разнородных понятия. Понятие о государстве обнимает собою не только существование власти над обществом, но и сосредоточение управления местною жизнью в одном центре, т.е. территориальную концентрацию, а также сосредоточение многих отправлений общественной жизни в руках немногих, или даже всех. Оно предполагает возникновение совершенно новых отношений между различными членами общества. Это характерное различие, ускользающее на первый взгляд, ясно выступает при изучении происхождения государства» (Кропоткин).

представительства с диктатурой большинства кажутся ему ужасными⁷. Он приводит в пример сотрудничество между железными дорогами различных стран, которые делегируют своих представителей на составление договора друг с другом, принимаемого представляемыми ими транспортными органами. Собрание железнодорожных делегатов не прибегает ни к какому принуждению против несоговорчивого меньшинства, и это ничуть не препятствует организованности в сообщениях между странами. Таким вот образом анархисты надеются на эффективность руководства при отсутствии насилия: польза от взаимного согласия будет очевидной в условиях устранения хищнических побуждений, актуальных при нынешнем ограждении частной собственности.

Как бы эти построения ни ласкали слух, нельзя не придти к заключению, что они представляют собой попытку выдать желаемое за действительное.

Предлагаю теперь взяться за вопрос о преступлении закона. Согласно анархистам, преступность порождается неправильным общественным строем, при устранении которого не будет и соответствующих деяний⁸. Без сомнения, сказано очень много верного. В идеальном обществе грабить будет незачем, а склонность к насилию можно значительно смягчить лучшим образованием. Но всему есть свой предел. Не будь люди развращены государством, всё равно среди них найдутся психопаты, а то и так называемые маньяки. Вряд ли кто будет бороться за свободу таким людям, хотя чёткой грани между серийным убийцей и неадаптированной личностью нет. Как бы общество ни было благоустроенным, кто-то всё равно будет убивать из зависти. Многих сейчас сдерживает страх наказания, устранить который значит сделать убийство нормой⁹. В свою очередь отмена государственных санкций может подогревать общественную истерию, провоцировать самосуд. Большинство людей так

⁷ «Представительная власть отслужила свою историческую миссию, она нанесла смертельный удар прецедентному праву и своими дебатами пробудила публичный интерес к общественным вопросам. Но видеть в этом правительство будущего социалистического общества будет огромной ошибкой. Каждая экономическая сторона жизнедеятельности подразумевает свою политическую сторону, и невозможно затронуть самую основу нынешней экономической жизни, частную собственность, без одновременного изменения самых основ политической системы общества. Жизнь уже указывает нам, в каком направлении последуют изменения: не со стороны усиления государства, а со стороны обращения к свободной организации и вольной федерации во всех тех областях, которые нынче присущи только государству» (Кропоткин).

⁸ «Что до третьего и главного возражения о необходимости власти для наказания преступления законов общества, то сказать нужно намного больше, нежели просто упомянуть. Чем больше изучаем этот вопрос, тем ближе подходим к заключению, что общество само и ответственно за антиобщественные деяния; что никакое наказание, никакие тюрьмы и никакие палачи не могут снизить количество деяний — ничего, кроме преобразования самого общества. ¾ этих деяний, год за годом предоставляемых на суд, прямо или косвенно происходят от нынешней неорганизованности общества в вопросах производства и распределения благ — отнюдь не от извращения человеческой природы. Касательно же сравнительно немногих антиобщественных деяний, обусловленных антиобщественными наклонностями отдельных людей, можно сказать, что ни тюрьмами, ни даже услугами палачей мы не в силах уменьшить их число. Своими тюрьмами мы лишь размножаем и усугубляем их. Своими сыщиками, „ценою крови“, казнями, камерами мы распространяем в обществе настолько жуткие потоки низжайших страстей и привычек, что всякий, кто полностью осознает влияние этих институтов, придёт в ужас от всего, совершаемого обществом под предлогом поддержания нравственности. Нам нужно искать другие средства, которые уже давно продемонстрированы» (Кропоткин).

⁹ Примечание переводчика. Опыт Милгрэма показывает, что большинство ($\frac{2}{3} = \frac{300}{450}$) самых обычных людей способны пытаться и увечить жертву, если ответственность за это берёт на себя другой чело-

устроены, что они готовы мстить даже не самым плохим членам общества: Спинозу толпа почти растерзала за подозрение в лояльности ко Франции, тогда воевавшей с родиной философа. Да и без этого вполне возможен организованный заговор против анархии ради восстановления античных репрессий. Родись, например, Наполеон в кропоткинском обществе, неужели бы он смирился с невозможностью применить свой талант? Ничто, кроме государства, не помешает гонористым людям сформировать вооружённую банду и поработать мирных жителей, горько обманувшихся в общечеловеческой тяге к свободе. Вряд ли анархистская идея совместима с муштрой в любительских армиях, как угодно оправдываемых. Даже если захватчики не придут из-за границы, они вполне могут оказаться и доморощенными. Так что пока неустраима воля к власти, ничто не гарантирует нам её нереализованности — кроме организованного общественного принуждения.

Как нам не хочется, а всё равно никуда не деться от вывода, что анархистский идеал вседозволенности несовместим (в крайнем случае, пока) с милой анархистам стабильностью. Чтобы построить и защитить общество, максимально приближенное к их утопии, всё равно должны быть определённые запрещающие нормы права. Их можно рассортировать по трём рубрикам:

1. антиворовские нормы,
2. антинасильственные нормы,
3. антиантианархистские нормы.

Вкратце мы повторим сказанное в применении к определённым видам преступлений.

Имущественные преступления. Без сомнения, что анархия устранил нищету, поэтому с голоду никто воровать не пойдёт. Но правда ещё и в том, что голодные кражи отнюдь не бóльшая и не опаснейшая доля всех покушений на собственность. Предлагаемое безвластниками нормирование предметов роскоши оставит многих людей неудовлетворёнными. Работникам же общественных складов предоставят все возможности для растраты и казнокрадства, что даже многие произведения искусства отныне не будут общественным достоянием. Можно доказывать, будто подобные формы кражи предотвратимы общественным осуждением, однако групповое табу действует только на членов группы. Общность же людей, сформированная в воровских целях, может сослужить своеобразной контркультурой, не проницаемой для общественного мнения. Возмущение социума вполне может её разрушить, однако тогда придётся вернуть бездушность уголовного права или слепую поспешность линчевания. Если же принять нашу версию экономического принуждения к труду, потребность в краже и её наказании будет ещё больше.

Насильственные преступления. Жестокое обращение с детьми, преступления на почве ревности, изнасилование и прочее подобное в той или иной степени уместны в любом обществе. Для выживания и освобождения слабых крайне необходимо

век. Опыт неоднократно повторялся: Йельский университет установил 48% палачей среди служащих, 68% — среди детей и юношей. Следовательно, вся нравственность сводится к трусости, и без страха

предупреждать подобные деяния. Закрывать на это глаза, и можно ожидать ужесточения общественных обычаев, беспримерные зверства войдут в прецедент. Хорошо, если анархисты правы, а идеальная экономика не допустит бесчеловечности без поддержки закона и без ущерба свободе. Но в противном случае придётся насильно останавливать насилием.

Политические преступления. Для безначалия куда более важны другие ограничения свободы. Мне сложно представить, чтобы безвластное общество мирилось с вооружёнными группировками и чтобы можно было их предупреждать без всеобщего запрета на оружие. Ведь так антианархистская оппозиция способна организовать и развязать гражданскую войну. Но мало дать запрет, надо ещё проследить за его выполнением — ущемить свободу граждан. Несомненно, что со временем политический террор утратит свою популярность, как дуэльные разбирательства в наш век. Однако подобная смена аттитюда едва достижима без правовых санкций. И это без учёта межнациональных проблем (смотри ниже), которые, очевидно, увеличат потребность в применении силы.

Если мы с отвращением убеждаемся в необходимости уголовного права, то нужно задать вопрос: как быть с преступностью? Как пафос гуманизма и уважение к свободе совместить с объявлением чего-либо вне закона? Прежде всего следует уяснить необходимость устранения понятий вины и греха. В наше время общество озлобляется на правонарушителя, что по идее должно предупреждать преступление, а на деле причиняет человеку страдание. Делают всё возможное, чтобы сломить преступника, подорвать его уважение к себе. Даже те удовольствия, которые способствовали бы его цивилизованности, ему запрещены — просто потому, что это удовольствия, а ему полагаются одни страдания, от которых только усугубится огрубление и деградация личности. Речь, конечно, не о тех пенитенциарных учреждениях, что глубоко исследовали возможности перерождения правонарушителя. Подобные учреждения, особенно американские, действительно оправдали себя замечательными результатами, но всё равно остаются исключением из правила — правила заставлять правонарушителя чувствовать общественное неудовольствие им. От подобного обращения человек становится либо дерзким и озлобленным, либо покорными и раболепным. Оба варианта являются только злом. Ничего хорошего нельзя ждать от наказания, воплощающего собою осуждение.

Когда по болезни человек представляет опасность для общества, то ограничивают свободу его перемещений, но никак не вменяют ему это в вину. Друзья, наоборот, забрасывают его состраданием. Для своего исправления он пользуется достижениями науки, не возражает против покушения на его свободу. Тот же самый подход должен быть выдержан при врачевании преступления.

Считается, конечно, что всякое противоправное деяние корыстно, поэтому страх наказания необходим для борьбы мотивов. Однако это не означает, будто часто преступают по собственному выбору, особенно в случае преступлений на почве страсти. Даже если человеком тут движут корыстные интересы, очень важно предупредить преступление, а не причинить преступнику страдания. Если он страдает от профилактического процесса, то на это надо смотреть, как на боль при хирургиче-

наказания люди готовы вершить насилие.

ской операции. Кого на преступление толкает тяга к насилию, тот подлежит заботе психологов и психиатров, способных вызывать более приемлимые побуждения. Кто преступает закон из корыстных соображений, тому надо внушить лучшее понимание своих интересов, оптимальней всего воплотимых в прислуживании обществу. Крайне важно ради этого расширить кругозор преступника, масштабы его желаний. В наше время человек может страдать от недостаточной любви со стороны близких, что едва возможно исправить по причине враждебности его к ним. Тюремная же администрация игнорирует эту проблему, не пытается войти в положение каждого заключённого. Он заперт в камере, не видя горизонта, а видя лишь грубость охранников, ужесточаемых своей профессией¹⁰. Человека торжественно объявляют врагом общества. Он вынужден исполнять однообразную, скучную работу. Его ничему не учат и не побуждают к самосовершенствованию. И стоит ли удивляться, что после подобного обращения он ничуть не менее враждебен к обществу, чем до него?

Суровость наказания только усугубляется мстительностью и страхом в наш век недружественности к правосудию, особенно если надеются хорошенько припугнуть за избегание наказания. Нынешнее право в основном стоит на страже собственности и богатей. Те, кому убеждения не позволяют жить в мире с правительством, выдвигают самые страшные обвинения закону, несправедливо потворствующему капиталистическому строю. Способы, которыми многие обогатились, куда опасней для общества, нежели малозаметные правонарушения бедняка, но всё равно безнаказанны, поскольку не подрывают общественный строй. Уж если мириться с правоохранительными органами, то использовать их нужно для предотвращения явлений, которые по-настоящему вредны обществу. Также как при обращении с нарушителями следует выкинуть из головы понятие вины. Но даже если следовать указанным рекомендациям, всё равно сохранение права не будет согласно с последовательным анархизмом.

До сих пор мы изучали власть государства, воплощённую в виде уголовного права. У нас все основания предполагать её неустрашимость при возможном её другом применении, неосуждающем.

Следующим вопросом будет экономическая мощь государства, направляемая бюрократическим аппаратом. Социалисты-государственники отстаивают, будто не основанное на капиталистических отношениях государство не представляет собой никакой опасности для свободы. На мой взгляд, это жестокая иллюзия. Как бы мы ни выбирали руководителей, среди них всегда найдётся место для прирождённых сверхчеловеков. Инстинктивная склонность к тирании будет заострена претензиями на суждения о благе для общества. Подобно всем управляющим, они проникнутся религиозным почитанием действующего строя. Они не признают никакой революции, никаких переворотов — только реформаторская милость ласкового деспота. Кто считает, будто я сгущаю краски, должен изучить влияние и методы нынешних чиновников. По всякому вопросу они всё знают — учи, что называется, астраханца рыбу пластать. Разумеется, «астраханец» не знает, сколько требуется «рыбы»; не умеет сформулировать и решить свои проблемы. Зато бюрократия самоуверенно

¹⁰ Это было написано до того, как автор лично столкнулся с пенитенциарной системой и только добрым отношением со стороны тюремной администрации.

преподносит свои ответы министрам как единственно объективные решения, оставляющие возражения недовольных до ближайших выборов как политический вопрос. Так, по крайней мере, делают в Англии. Очень даже можно ожидать усугубления проблемы в условиях усиления властей при социализме.

Все, кто верен ортодоксальной демократии, могут спорить, что не будь власти капитала, и представительные органы справятся с язвами бюрократии, станут по-настоящему представительными. С такими заверениями идеологи анархизма-синдикализма не церемонятся. Французские ревпрофсоюзники живут в предельно демократизированной стране и всё равно сила государства направлена против них, что мешает им верить в волю народа. Идеальной для синдикалистов будет такая конституция, которая закрепляет широчайшие полномочия решительного меньшинства, сознающего их цели и готового за таковые бороться. Для прогрессивного человека очень естественно разочароваться в нынешнем демократическом представительстве. Думаю, никуда не деться от признания его преимуществ для всех существовавших до сих пор форм власти, но всё равно необходимо согласиться с анархо-синдикальной его критикой.

Критика эта была бы куда более действенной, если бы предложили что-нибудь получше парламентской демократии. Синдикалисты даже не пытаются совратить обывателя своей аргументацией. Все их доводы сводятся к тому, что квалифицированное меньшинство работников жизненноважных отраслей промышленности стачечными методами разрушит национальную экономику и всех поставит раком. Это всё равно, что захватить электростанцию и держать электроснабжение в заложниках. Сама по себе доктрина апеллирует к принуждению и вызывает только лишь желание ответить силой. Бесполезно оправдываться, что конечной целью принуждения будет завоевание свободы, ведь предложенные порядки не основываются на воле масс. Смена общественных аттитюдов обычно происходит медленно, но иногда ускоряется под действием насилия — в этих пределах подобные методы и сработают. Однако истинной целью друга свободы является не принуждение, а убеждение. Навязывать свободу тем, кто не желает свободы в нашем понимании, значит расписываться в своей несостоятельности. Поэтому всем, кто уподобляется синдикалистам, лучше ждать успеха от риторики.

Но и путать цели со средствами тоже не стоит: как бы мы ни отвращались от попыток загнать голодом в страну Муравью, всё равно мы не спорим с тем, чего добиваются синдикалисты.

Предлагаю отвлечься от критики нашего парламентаризма, а рассмотреть лишь те качества демократии, которые сохранятся и после отмены частной собственности. Определённые пороки останутся неотъемлемой частью любой представительной власти: бред величия у депутатов, необходимый для впечатления избирателей; неизбежная привычка к лицемерию, поддерживаемая неумением публики распознать притворство; определённый привкус цинизма, ощущаемого необходимым для удержания кресел. Вина демократии в этом равна депутатской вине, ведь невозможно пробиться без подхалимства. Но всё равно можно разоблачить подлеца и осознать недостаток как нечто неизбежное при нынешних формах народовластия. В особенно крупных государствах встаёт ещё проблема удалённости слуг народа от их электората — удалённости в психологическом смысле, а не географическом. Законоположни-

ки пользуются всевозможными излишествами за толстыми стенами из кирпичей и полицейских, защищающих их от народного вопля. Со временем они забывают свои страстные клятвы на предвыборной кампании; проникаются убежденностью в своём призвании служить обществу в целом, а не группам населения, которые чем-то недовольны. В то же самое время интересы общества настолько неясны, что могут легко быть спутаны с личным интересом политиков. Именно это побуждает законодательную власть к предательству (сознательному или безотчётному) по отношению к народу — тем объяснимей отказ от демократической идеологии у наиболее решительных друзей труда.

Диктатура большинства, присущая большим государствам, вредна ещё тем, что в очень многих вопросах заинтересовано или разбирается лишь небольшое количество людей, которые всё равно имеют не больше голоса, чем прочие. Когда нет особого интереса к проблеме, люди уязвимы для посторонних измышлений, что выливается в противление самостоятельности зависимых групп вроде нацменьшинств. Из этих соображений крайне опасно предоставлять населению право решать от имени его части, что географически, что классово, что как-нибудь ещё обособленной. Лучше всего эту опасность предупреждает самоуправление каждой важной части населения во всех вопросах, затрагивающих интересы этой части больше, чем они затрагивают интересы остального населения. Правительство особой части населения, избранное членами этой части, будет намного ближе к своему электорату, намного лучше сознавать групповые интересы, нежели далёкий парламент, только по названию являющийся представительным. Самая исконная идея синдикалистов (принятая и развитая гильдеистами) заключается в самоуправлении работников отраслей народного хозяйства по вопросам, касающимся их внутренних дел. Если применить эту стратегию к прочим группам с очевидно специфическими интересами, то думаю, что можно значительно преодолеть пороки демократии.

Как мы видели, гильдеисты предлагают немножко другое, гильдейское самоуправление, подрывающее государственную власть и помогающее сохранить личную свободу. По их предложениям, наряду с территориальными выборами (по современному образцу) в парламент как в орган потребителей нужно предусмотреть выборы в Конгресс нацгильдий — наследник нынешнего конгресса тред-юнионов, составленный из представителей нацгильдий и отстаивающий интересы общества производителей.

Этот проект ослабления государства заманчиво изложил Дж. Коул:

«Как теперь государство принимает Закон о фабриках или Закон об угольных шахтах, так и Конгресс нацгильдий в будущем будет принимать подобные законы, которые будут исполняться с такой же необходимостью, с какой действует исполнительная власть государства».

Он защищает эту систему её ограждением личной свободы:

«Основным поводом сохранения в демократическом обществе производственной и политической форм социальной организации мне представляется единственно расчленение излишней власти, которая прибрана к

рукам промышленным капитализмом, в надежде на завоевание индивидуальной свободы».

Действительно ли от Коуловых проектов надо ждать обещанных результатов? Думаю, ясно, что в этом отношении будет хоть какое-то продвижение. Улучшить представительную власть можно только лишь сближением депутата с закреплёнными в его законопроектах проблемами, и это наверняка будет возможно при передаче вопросов производства на усмотрение конгрессу нацгильдий. Но если несмотря на предосторожности Нацгильдконгресс достигнет всемогущества, не ограничиваемого усилиями отдельных гильдий, то, боюсь, можно ожидать возрождения государственной тирании. Многие профсоюзные руководители, когда начинали влиять на политику государства, сразу закосневали и стиранивались; утрачивали связь с теми, кто их избрал; склонялись к сотрудничеству с действующей властью. Формальное назначение на должность только катализирует этот процесс. В сущности, если не по-видимому, начинается объединение с парламентским составом. Несмотря на мелкие разногласия, уместные в отношениях между конкурирующими торгашами и не нарушающие целостности капиталистического строя, воцаряется согласие между главарями двух классов. Согласие за счёт индивидуальной свободы, ради которой все избирались.

Нигде не видно методы, позволяющей власти охранять личную свободу и представлять общество в целом, будь то общество производителей или общество потребителей, или оба сразу. Единственным выходом в достаточную свободу (который всё равно не подходит малочисленным меньшинствам) остаётся сплочение граждан в группы по специфичным интересам, ограждение самостоятельности в своих делах, готовность противостоять вторжению извне при помощи стачек, умение поддерживать справедливую в глазах многих людей борьбу (вооружённую или психологическую) против организованных сил государства. Будь подобный метод эффективным, и люди были бы хорошо организованы, массы уважали бы свободу, а покорность государству — что теоретическая, что деятельная — полностью бы исчезла. Имелся бы риск беспорядков, однако он не так страшен по сравнению с застоём, неизбежным при централизации и всемогуществе власти.

Теперь можно подвести некоторые политологические итоги.

Как это не нравится анархистам, но государство кажется институтом, очень важным для определённых целей. Вопросы войны и мира, налогообложения, санитарных условий, сбыта опасных медицинских препаратов, справедливого распределения благ — это далеко не всё, что сложно решать без централизации власти. Взять, например, торговлю крепкими напитками или опиумом в Китае: приобретайся спиртное по себестоимости и без налогообложения (всё равно в меньшем количестве, чем при бесплатной раздаче анархистами), можно ли ожидать управы на алкоголизацию населения? Та же Поднебесная со своим опиумом дошла до самого края, и каждый сколь-нибудь патриотичный китаец мечтает о пресечении наркотрафика. В этих областях свобода не панацея, и для поддержания здоровья населения требуется хоть какое-то ограничение.

Но оставляя за государством право на существование, его силу следует строго ограничить до минимальнонеобходимой. Противоядием против злоупотребления

властью должны сослужить сознательные группы, готовые защищать своё самоуправление даже в ущерб законности, мешающей внутренним делам группы без необходимости для общества в целом. Идеология лизоблюдства перед государством, служить которому — долг для каждого, очень вредна прогрессу и свободе. Даже порождая множество зол, государство способно и к хорошим вещам, делающим его необходимым в условиях неизбежности разрушительных тенденций у всех людей. Но при этом оно всего лишь средство, требующее ограниченного и осторожного применения в случаях, когда от него будет больше пользы, чем вреда. Не государство, а общество, общность всех людей мира, современных и будущих, заслуживает нашего служения. Славное общество не порождается славой государства, а только лишь свободным развитием индивидов, обеспечиваемых повседневными радостями, близкой по духу работой, возможностью творчества для всех, личными отношениями, воплощающими любовь и убивающими зависть в зародыше, а прежде всего наслаждением жизнью, воплощаемым художественными и научными инсайтами. Только это оправдывает существование века и нации, не будучи достижимым заискиванием у государства. Человек, который реализовывается в хорошем, свободно растёт над собой, — вот конечная цель всякой политической системы, всякого преобразования мира.

6. Международные отношения

Главных целей международных отношений, наверное, будет две: предупреждение войн и предупреждение угнетения одного народа другим. Эти две цели далеко не всегда совместимы, ведь проще всего не допустить войну подавлением и эксплуатацией слабых государств. Такой мир, разумеется, хуже доброй ссоры и для подлинных друзей свободы не подходит. Мы же рассмотрим обе цели, не заикливаясь на одной из них.

Уж в чём социалисты согласны с анархистами, так это в том, что все войны от капитализма; что не будь капитализма, и все войны сразу прекратятся. На мой взгляд, тут лишь половина правды, но и половина неправды очень важна для преобразования мира.

Социал-анархистская критика нашего общества безошибочно указывает на экономические стимулы участия в войнах. Прежде всего это потребность в отсталых странах для ссужения капиталом. Фанатичней всех за эту причину взялся Дж.-Ат. Гобсон в своей книге «Развитие современного капитализма» или «Эволюция современного капитализма»¹¹.

Движущей силой современного империализма выступает теснота отраслей промышленности в уже существующих рынках, прежде всего рынках ссудного капитала, а во вторую очередь рынках продукции. Давление тем выше, чем дольше продолжается накопление капитала и чем лучше оно ограждено. Не просто ради увеличения выработки продукции за счёт выхода на зарубежные рынки, а и ради сохранения своего положения в рынках отечественных требуется расширение политического

¹¹ Прим. перев. См. Ленин В.И. Рецензия на книгу Д. Гобсона «Эволюция современного капитализма». — СПб, 1898.

влияния своей родины. Очень о многом говорит недавняя смена внешнеполитического курса США, выраженная Испано-американской войной, аннексией Филиппин, вмешательством в панамские дела, а также в заключительных пунктах доктрины Монро, касающихся Латинской Америки. Последняя очень привлекательна для трестовой торговли выгодой и продукцией, надо только втянуть их в таможенный союз под началом США. Китайская промышленность, например, железнодорожная, кажется устрашающей для американских дельцов: тамошний рынок сбыта американской ваты должен значить куда меньше рынка сбыта американского ссудного капитала. Дипломатическое давление, подключение военной силы, а, когда надо, то и оккупация территорий подстроены финансовыми магнатами, заправляющими политической жизнью Америки. Финансирование и усиление нынешнего американского флота совершается сейчас в интересах обеспечения выгодных сделок для кораблестроителей и металлургов, а в будущем — ради агрессивной внешней политики, навязанной народу экономическими потребностями капиталистов.

Нужно чётко понимать, что необходимость расширения рынков сбыта не обязательное следствие организованного производства. Если соревновательность подменить подлинным сотрудничеством, при котором всякая прибыль от улучшения экономической системы принадлежит наёмным работникам и фирмам-вкладчикам, то можно ожидать такого повышения рыночного спроса, который обеспечит полнейшее привлечение производительных сил при отсутствии единоличного накопления прибыли, выраженного кредитно-товарной экспансией. Ведь только тресты да комбинаты могут выигрывать от строительства, производства и финансовых операций, позволяющих накапливать в ущерб спросу на товары и, так сказать, КПД американского капитала. В известных пределах можно ожидать улучшения со стороны защитительнопротекционистского экспорта с ограждением от внутренних монополий. Однако в условиях отечественного рынка очень сложно тресту переприспособиться к менее экстремальной торговле. Для некоторых трестов даже невозможно: владельцам железных дорог, финансовым предприятиям и прочим всегда нужно куда-то девать свои излишки. Это опьянение свежими областями сбыта ссудного капитала составляет главную финансовую проблему, угрожающую экономической и политической системам нашей утопии.

Финансовая экономия американского государства в наиболее драматичном варианте демонстрирует аналогичную ситуацию во всех промышленноразвитых странах мира. Чудовищное капиталоизвержение Великобритании, Германии, Австрии, Франции и так далее в южноафриканские и австралийские шахты (и с переда, и с зада земного шара) наряду с закрепощением Египта и постоянным страхом для южноамериканских республик демонстрирует всё то же усиление давления, неизбежного при развитии финансового аппарата и демонстрирующего предпочтительность профессиональной коммерции.

Работай Гобсон в наше время, он нашёл бы иллюстрацию войноносности указанных условий. Процентная ставка, достижимая предпринимательством в развивающейся стране, превосходит таковую в стране развитой при меньшем количестве угроз со стороны нестабильного правительства. Чтобы ещё уменьшить эти риски, капиталисты прибегают к помощи армии и флота их родины. Чтобы составить при этом хороший о себе имидж, нужно защититься прессой.

На прессу также указывают как на виновника войн. Поскольку издание большой газеты требует капиталовложения, владельцы важнейших информационных агентств должны принадлежать к буржуазии, и весьма противоестественно с их стороны проявлять классовую несознательность. Они вполне могут решать, какие новости доводить до читающей публики, а какие нет. В крайнем случае у них есть возможность фальсифицировать новости, в любом же — манипулировать эмоциями масс. Таким образом, мировоззрение читателя соответствует не истине, а интересам капиталистов. Прежде всего это справедливо в международных вопросах. Целый народ можно заставить любить или ненавидеть чужую страну, если постараются газетные заправилы, выражающие волю крупных капиталодержателей. Пока требовалась вражда между Англией и Россией, страницы наших газет полыхали ненавистью за российских политзаключённых, Русскую Польшу и притеснение Финляндии. Но стоило измениться внешнеполитическому курсу, газеты сразу позабывали эти темы, а вместо них стали размалёвывать германские злодеяния. Многие люди лишены критического отношения к подобным влияниям и составляют основу могущества СМИ.

Помимо этих двух капиталистических причин войны есть ещё одна, на которую враги буржуазии обращают куда меньше внимания, но которая всё равно не менее важна. Речь о власти, которая воспитывает агрессивность. Пока существует капиталистический строй, очень много власти будет сосредоточено в руках влиятельного богача. Что в карьере, что в личной жизни его воля редко ставится под вопрос, вокруг него одни льстивые прихлебатели, а профсоюзы ему мешают нечасто. В друзьях и приятелях у него высокопоставленные чиновники, депутаты, министры, привыкшие раздавать не меньше приказаний. Хотя в условиях демократии их не принято называть «правлящим классом», всё равно капиталистические отношения делят общество на приказывающих и подчиняющихся. Мировоззрение этих каст существенно отличается, хотя и допускает промежуточные формы. Владычество же приучает болезненно воспринимать отказ. Ведь очевидно, что отказывать можно только назло и напрашиваясь на решение вопроса по-плохому. Отсюда и бóльшая, чем у обывателей, потребность в войне с несогласными. Так мы находим, разумеется, не без исключений, наибольшую воинственность у тех, кто главнее; зато те, кого мало кто слушается, меньше всего ненавидит иностранцев. Это зло, неотделимое от концентрации власти и устранимое лишь с отказом от капитализма, если только наша утопия предполагает минимум власти в частных руках. И выход отнюдь не в передаче начала от представителей государства капиталистам. Это соображение против сохранения государства, обсуждавшегося за главу до того.

Но не только сосредоточение власти приводит к войнам, а и страх войн приводит к необходимости концентрации власти. Пока общество подвержено внезапным опасностям, будет актуальна готовность к быстрым решениям. В критических условиях неповоротливая коллегиальность недостижима, и это даёт прекрасную почву для сохранения государственной деспотии. В такой обстановке две взаимосвязанные беды закрепляют друг дружку: привыкшие командовать повышают риск войны, а риск войны мешает построению общества, устраняющего привычку к власти.

До сих пор мы рассматривали то, в чём капиталогенная теория войн права. Теперь надо задаться вопросом, насколько устранение капиталистической системы предотвращает войны.

Лично мне кажется, что нинасколько. Как и кое в чём другом, в этом теоретики социализма-анархизма неправоммерно игнорируют базовые инстинкты человека. История войн не начинается с истории капитализма, а драться привычно и среди животных. СМИ же разжигают войны именно благодаря апелляции к естественным инстинктам человека, которому от природы свойственно соревноваться, присваивать, и в той или иной степени бороться. Журналисты всего лишь разъясняют человеку, кто его враг, а всё остальное — нормальный рефлекторный отклик. При этом всё мировоззрение человека сводятся к его желаниям, часто бессознательным. Только когда ему преподносят факт, противоречащий его желаниям, он начинает разбираться в вопросе, сдаваясь только перед лицом непоборимых доводов. Но если факт обещает оправдание следованию инстинктам человека, то он будет иметь успех даже при бездоказательности. Так объясняют происхождение мифов, а межнациональные стереотипы тоже разновидность мифа. Хотя буржуазия даёт обществу определённый канал для выхода бойцовского инстинкта, боюсь, что без буржуа будет обнаруживаться какой-то другой выход — до поры, пока школа и микросоциум не сведут инстинкт на нет. Будь это неизбежным следствием преобразования экономической системы общества, можно надеяться на мир, если же нет, таковой навсегда останется иллюзией.

Устранение капитализма скорей всего устранил журналистские стимулы к войне, экономические — к экспансии, однако биологические стимулы, воля к власти, нетерпимость к инакомыслию всё равно останутся, хотя и в не настолько обострённом виде. Властоохранительная демократия почти всегда более воинственна, нежели позволяющая широкое участие в руководстве страной. Марксов интернационализм основывается на угнетении каждого пролетария его родиной:

«Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир».

Пока им нечего терять, кроме цепей, крайне маловероятно, что их враждебность направлена на других пролетариев. Развейся мир в ожидаемой Марксом степени, и действительно должна быть интернациональность, вдохновляющая на революцию. Россия, которая ближе всего подошла к Марксовым схемам, действительно имела предсказанную революцию. Будь другие страны настолько же развиты, можно было бы ожидать мировой революции во всех цивилизациях. Также как солидарности трудящихся против собственников как против общего врага, что временно исключило бы аналогичную ненависть друг к другу. Но даже после победы социальной революции старые межнациональные разногласия всё равно возобновятся. Нет никакой трансмутации ненависти во вселенскую гармонию. Решительные классборцы приобретут привычку к ненависти, безотчётно станут искать новых врагов взамен уничтоженных.

Настоящая психология западного трудящегося совершенно отлична от его образа в Манифесте коммунистической партии. Он ни в коем случае не ощущает, будто ему

нечего терять, да это и не правда. Цепи, которые опутали Азию с Африкой, выкованы с его помощью. Он сам задействован в тирании и эксплуатации. Всеобщая свобода не только сметёт его цепи, сравнительно легкие, а и куда более тяжёлые цепи, наложенные на подчинённые народы отчасти его усилиями.

Английский пролетариат не просто кормится с эксплуатации низших рас, но зачастую и вовсе имеет свой пай в капиталистической системе. Самые обычные предприятия наподобие железных дорог вкладывают в профсоюзы и общества взаимопомощи; многие лучшеоплачиваемые рабочие покупают государственные ценные бумаги; почти все политически активные ощущают себя частью сил, влияющих на жизнь государства при помощи Лейбористской партии и крупных профсоюзов. Соответственно их мировоззрение существенно развращено капитализмом, и чем могущественнее они себя ощущают, тем сильнее в них национальное чувство. Это будет продолжаться при любом интернационализме, основанном на ненависти к капиталисту и классовой борьбе. Преодолеть это можно только с удалением пороков правящих классов демократического государства.

Мне совсем не хочется показаться противником признания роли капитализма в развязывании войн, признания уменьшения их количества и разрушительности при отмене частной собственности. Наоборот, я верю, что отказ от частного владения землёй и капиталом является важным шагом в направлении к миру, в котором все народы будут жить в согласии друг с другом. Я не протестую против необходимости, а только против достаточности этой меры; настаиваю на более психологических корнях агрессии, чем предусмотрены ортодоксальными социалистами.

Обратимся же к примеру. В той же Австралии и Калифорнии сильна нелюбовь к людям жёлтой расы. Причины сложны, но в основном всё объясняется конкуренцией на рынке труда и рефлекторной ксенофобией. Вполне возможно, однако, преодоление этой конкуренции без расовой неприязни. Европейские иммигранты тоже конкурируют, но всё равно не делают друг друга изгоями. В малонаселённой стране дешёвый труд можно с малыми усилиями заставить работать на население при поддержке обычая или закона. Однако расовая вражда подчёркивает недостатки конкуренции и закрывает глаза на выгоды от сотрудничества, воспитывает обострённую восприимчивость к порокам чужаков и терпимость — к порокам наших. Я ни на йоту не сомневаюсь, что перейди Австралия полностью в собственность народа, всё равно она не будет переваривать потоки китайских и японских работников. Да и сама Япония, даже если станет социалистической республикой, всё равно будет слишком тесной, чтобы люди из неё не уходили. В таких условиях сохранятся установки на войну, не устранимые осоциализированием обеих стран. Даже в идеально социалистическом обществе муравьёв будет растерзан всякий случайно забредший к ним чужак из другого муравейника. Инстинкты патриотов мало чем отличны от муравьиных, особенно учитывая разительные отличия между белым и жёлтым человеком. Разумеется, при определённых обстоятельствах враждебность к расе можно смягчить, однако иначе уместно беспокоиться о сохранении мира.

Если мир на земле когда-нибудь упрочится, во что я верю, то именно благодаря идее, вдохновляющей Лигу наций. По мере развития общества война становится всё разрушительней и обещает всё меньше прибыли, усиливая рациональный довод против неё: глупо повышать продуктивность труда ради ускорения темпов взаим-

ного забоя. В спокойные или послевоенные времена человек более восприимчив к пацифистской рациональной терапии и становится возможным ввести проекты снижения частоты войн. Возможно, ни одна цивилизация не пойдёт на захват территорий, если все будут уверены в проигрышности этого предприятия. Это возможно, если передовые страны придут к пониманию необходимости мира во всём мире, ставящему их против агрессоров даже при отсутствии в том прямого интереса. Именно этой надеждой держится Лига наций.

Но ни эта Лига, ни даже отмена частной собственности не дадут нам успеха без прочих реформ. Очевидно, что для эффективности они должны быть наднациональны — если вообще двигаться в этом направлении, то обязательно всем миром. Одной из самых важных задач мира стоит разоружение. До тех пор, пока существуют гипертрофированные армии и флоты, никакая система не может предотвратить риск их использования. Однако толк будет только лишь от одновременного разоружения по взаимному согласию великих держав. Притом успеха вряд ли можно ожидать в условиях обоюдного подозрения наций в недобросовестном выполнении обязательств разоружения. В международных делах очень важна моральная атмосфера, отличная от привычной, и будь одна раз достигнута, необходимо её поддержать и усилить при помощи умных институтов, которых одних всё же недостаточно для её создания. Международное сотрудничество предполагает взаимную доброжелательность, которая только ограждается этим сотрудничеством. Будущее международных отношений зависит от способности к изначальной доброжелательности между странами.

Именно в этом революции могут приносить наибольшую пользу. Сопровождайся русская революция революцией в Германии, это мгновенно всколыхнуло бы всю Европу, моментально бы ополитило идею общечеловеческого братства, и кто знает, насколько практичной она бы оказалась. Вдохнови интернациональная идея на веру и пыл революции, исчезли бы все препятствия, связанные с допотопными стереотипами. Не верящие в революцию реформисты недооценивают воспитательную силу броских эффектов. Русско-немецкая революция без сомнения её бы проявила, построила бы новый мир на следующий же день.

Но век против нас — был упущен подходящий момент и надежда снова так далека от нас, а с нею и наше избавление¹². Но в то же время мы видели возможное и поняли, насколько много сил открывается в критической ситуации. Именно так надо понимать миротворчество социалистической революции, которое усилится её наступлением во всех странах мира, а также в умах людей.

Трезвому идеалисту мешают прогнозировать определённые затруднения. В некоторых случаях взлелеянная мечтами панацея почему бы то ни было недостижима и одновременно с тем опровергаема со стороны апологетов действующих порядков. Пример с Экваториальной Африкой весьма показателен. Там очень сложно оправдать немедленное введение парламентаризма даже с представительство женского населения. Если кто и признаёт аборигенов способными к демократии, так только Дав. Ллойд-Джордж. Не сомневаюсь, что какой бы режим, пусть даже социалистический, ни установился в Европе, она так дальше и будет управлять аборигенами. Даже донкихотский отказ от обогащения за негритянский счёт мало что даст самим афри-

¹² Это написано в марте 1918 года — самый беспросветный момент войны.

канцам. Наоборот, они даже прогадают, останутся на милости частных торгашей с их конкистадористой мразью, не упускающей шанса на любые зверства. Правительства Европ не могут отказаться от ответственности за Африку. Они должны поддерживать там порядок, и самое обнадёживающее в этом — надежда на минимум жестокости и жадности. С пацифистской точки зрения проблема состоит в уменьшении выгод для белых хозяев Африки так, чтобы ни один народ не испытывал ощущения несправедливости. Проблема сравнительно несложная и без сомнения разрешимая в рамках антивоенной программы социалистов. Но не это я хочу обсудить. Хочу лишь задуматься над тем, как социалистическое или анархистское общество может руководить не обиженной ресурсами Африкой, населённой, однако, настолько нецивилизованными народами. Без серьёзных предосторожностей европейцы сохранят там инстинкты и положение рабовладельцев. Пока негров будут придавливать ко всё более низкому уровню жизни, их национальные богатства послужат процветанию и роскоши коммунистической идеи. Это будет делаться не менее бессознательно, чем прочие отвратительные поступки народов. Руководство выберут не склонным выносить сор из избы. Пронырливым обличителям никто не будет верить, а только обвинять их во враждебности к режиму и родине. Разумеется, на первых порах построения утопии энтузиазм счастливления народов проявится с размахом, но постепенно строители нового общества из этого вырастут. Я не настаиваю на необходимости этих зол, просто говорю, что их не избежать без предвидения проблемы и без осознанной профилактики. Если белые народы когда-нибудь станут последовательны в подрыве основ капитализма, им следует найти способ придерживаться объективности в отношении низших рас. Было бы очень важно избежать внушения прибыльности капитализма африканскому правительству и разбазаривания в странах всего, что бы они могли разбазаривать при самоуправлении. Более того, нужно не забывать, что отсталость негров в развитии может оказаться устранимой, и когда-нибудь даже народы Центральной Африки, возможно, придут к демократии с помощью самых прогрессивных европейцев.

Африканский вопрос, разумеется, лишь часть широкой проблемы империализма, но именно в него сложнее всего вписываются социалистические принципы. В отношении Азии, особенно Индии и Персии, теоретических затруднений не предвидится, хотя и возможны практические сложности. То, что препятствует построению африканской демократии, не составляет огромной проблемы для азиатов. Последним мешает не умственная неполноценность, а недостаток смелости дать нам отпор. После социалистической революции претензии на доминионы будут временно заглушены и это станет началом новой продуктивной азиатской политики. Конечно, не стоит навязывать индийцам ту форму демократического режима, которую мы разработали удобной для нас. Скорее Индию надо оставить самой выбирать себе власть и образование в соответствии с её культурой. Страна богата традициями, очень древними и отличными от европейских, чтимыми индийской интеллигенцией, но не признанными в наших учебных заведениях. Для индийского националиста его культура содержит ценные элементы, которые незначительны или отсутствуют в культуре западной; ему хочется свободы на сбережение этих элементов, а не на то, ради чего добивались бы свободы англичане в аналогичном положении. Вера европейцев в западную культуру фанатична и безжалостна, поэтому крайне важен

паритет неевропейских цивилизаций. Тогда мир очнётся от мёртвого однообразия и взаимно обогатится.

Я подчеркнул основные препятствия на пути сохранения международного мира не потому, что не верю в их преодоление, а, наоборот, из веры в необходимость их осознать, чтобы преодолеть. Верный диагноз — необходимый шаг к исцелению. Настоящие недостатки международных отношений происходят от психологических причин, из свойств человеческой природы, основными из которых является соревновательность, властолюбие, зависть. Вред от таких качеств может быть устранён прогрессом педагогики, экономики и политики.

Соревновательность не обязательно зло. Когда она оборачивается желанием лучше послужить обществу, превзойти коллег по науке или искусству, то становится полезным стимулом к попыткам, иначе не делаемым. Только тогда от неё ущерб, когда она направлена на достижение ограниченных в количестве благ, которые можно получить только за чужой счёт. Такая соревновательность сопряжена со страхом, который неизбежно ведёт к жестокости. Однако система более справедливого распределения благ может высвободить соревновательный инстинкт совсем в другое русло. Это одна из причин, почему общественное владение землёй и капиталом улучшит человеческую природу, которая отнюдь не фиксирована, а меняется в зависимости от обстоятельств, образования и возможностей.

Сказанное справедливо и касательно воли к власти. В нынешней форме власть подразумевает навязывание своей воли другому через силу, явную или завуалированную. По сути, то же самое бывает, когда препинают другим, принуждают людей делать то, чего они не хотят. Мы надеемся, что такая власть сведётся к минимуму при подмене капитализма нашей системой и приятии мер, изложенных в предыдущей главе. Мер, которые улучшают положение не только народа, а и народов. На интернациональном уровне предвидится федерализация, аналогичная национальной: самоопределение каждой группы в отношении материй, которые существенно важнее для неё, чем для кого-либо ещё, и нейтральное руководство по всем спорным вопросам, уменьшение правительства до минимума, который ещё позволяет поддерживать справедливость и предупреждать единоличное насилие. В таких условиях воля к власти перестанет проявляться столь разрушительно. Власть же над аудиторией, направленная на подведение людей к осознанию истины, может только пригодиться и наверняка останется, привлекая самых сильных людей, от природы склонных к доминированию, на производство блага, а не на воспроизведение ужасов древности.

Наконец, третьей естественной предрасположенностью к общественному злу мы выделили зависть, которая у многих вырастает из неудовлетворённости, воспитанной несвободным развитием, духом противоречия и недостижимостью воображаемого счастья. Проповедь тут не поможет, в лучшем случае изменишь проявление завидливости, приучишь к изысканному её сокрытию. Те немногие, в ком независимо от ситуации преобладает великодушие, может, на проповедь и купятся, остальные же могут вылечиться от зависти только освободившись и насладившись жизнью. Сложно ожидать широты ума и сердца от людей, чьи элементарные инстинкты не удовлетворены, кто лишён досуга и любви, солнечного света и зелёного лужка. Возвышенные качества нечасты и у счастливых, ведь они смутно, но осознают, что

благоденствуют за счёт несправедливости и незаметливости в отношении обделённых. Стань щедрость и доброта общераспространённой, и об элементарных желаниях человека будут заботиться лучше, как и осознавать распределение счастья между всеми (кто не пострадал от специфических несчастий) возможным и обязательным. Живущий полнокровной жизнью мир не будет стремиться к войне, не будет отравлен враждебностью человека, ограниченного нынешним существованием. И такой мир вполне достижим человечеством, его отделяют от нас препятствия устранимые, не навязанные нам бездушной природой. Истинные препятствия лежат в людской душе, они преодолимы твёрдой и информированной надеждой.

7. Культура при социализме

Социализм разрекламирован как средство повышения благополучия рабочего класса и именно материального благополучия. Таким образом, для тех, кто не ориентирован на материальное, социализм не предлагает ничего. Некоторые апологеты социализма, в том числе Маркс, предвидят (скорей всего, иррационально) наступление золотого века, при котором отпадёт нужда в каком угодно развитии. Лично я не знаю, насколько наш век мятежней предыдущего или насколько он развёрнут идеей эволюционности, но по какой бы то ни было причине мы всё же утратили веру в статичное совершенство и одобряем лишь такой общественный строй, который содержит в себе стимул для развития в нечто ещё лучшее. Такие сомнения побудили теоретиков социализма задуматься, насколько предлагаемая ими система уживается с наукой и искусством, не получится ли трафаретное общество, для которого развитие затруднено.

Ведь комфорта недостаточно. Многие мещане не просто игнорируют свои широчайшие возможности к повышению качества общественной жизни, а и отказывают себе в том, что заслуживает называться счастьем. Умножение таких людей в числе едва ли несёт в себе ценность, и сводись социализм всего лишь к обеспечению всем людям образа жизни и мыслей наиболее апатичных представителей буржуазии, мало кто вдохновится подобной идеей.

«Истинное предназначение общежития... — по мнению Накё, — в том, чтобы учиться, открывать и узнавать. Пищеварение, сон, жизнедеятельность, по сути, лишь вспомогательные средства. Отнюдь не этим мы отличаемся от скотов. Смысл всего — знание. Если придётся выбирать между материальнообеспеченным человечеством, содержащимся подобно стаду овец на полянке, и человечеством нуждающимся, но местами производящим крупицы вечных истин, то я выберу последнее».

Сказанное можно парировать соображением, что те, кто имеет досуг и возможности наслаждаться «вечными истинами», вполне могут преувеличить свою значимость и переложить тяготы труда на остальных людей. Вообще-то так и есть, но подобная постановка вопроса отвлекает от рассмотрения необходимости думать о прогрессе. Если взглянуть в целом, то разделение общества на ищущих знание и прозябающих в нищете в конце концов обещает куда больше блага, нежели введение всего

человечества в состояние пассивного комфорта. Что бедность — это очень плохо, действительно истина, однако не будет истиной признать, что материальное благополучие — это очень хорошо. Что по-настоящему ценно для общества, так это высшие блага, поддерживающие жизнедеятельность ума. Который притом жив не одними лишь знанием да идеями, а для своего здоровья инстинктивно требует участия в жизни общества. Очищенная от общественного инстинкта мысль, например, художественная, впадает в излишнее жеманство. Искусство вдохновлено потребностью послужить идеальному человечеству, и лишь это даёт смысл разуму, как и разум даёт смысл существованию нашего человечества. Так насколько же социализм развивает или тормозит мысль? Останется ли ему стимул для развития, предохраняющий от застоя, подобного византийскому?

Отвечая на этот вопрос, мы в каком-то смысле позабудем дух демократии. Да, благо общества заключено в его членах, однако в некоторых людях заключено сильнее, чем в прочих. Некоторые люди обладают пронизательным и разносторонним разумом, позволяющим ценить и помнить то, что знали и думали их предшественники; а также открывать новые области, в которых отыскивается подлинное наслаждение ищущего ума. У других есть сила создавать красоту, материализовывать неувидимые видения и так делиться ими со всеми, доставлять всем удовольствие. Подобные люди значительно счастливее остальных и тоже очень важны для жизни общества. Они получают бóльшую долю общих благ, чем прочие люди, но и вкладывают в общее благо также больше всех. Они выделяются из масс и не могут полностью подходить под схемы демократического равенства. Общественный строй, который делает их творчество непродуктивным, выносит приговор сам себе, даже если этим самым что-то и выгадывает.

Что прежде (и сложнее в наш коммерциализированный век) всего нужно понять, это невозможность воспроизведения лучших результатов творческой деятельности при помощи системы денежного вознаграждения. Обеспечение и поощрение духовной атмосферы очень важны, однако при них финансовая помощь излишня, а без них — недостаточна. Признание, даже в виде денежной премии, может порадовать престарелого учёного, который всю жизнь боролся с академической предвзятостью, или осмеянного художника, рисующего в отличной от традиционной манере, но их труд всё равно вдохновлялся не надеждой на это. Из всего, что достигнуто творчеством, самое важное навеяно порывом, не выразимым в количественном отношении; и лучший способ этому поспособствовать — это не наградить задним числом, а создать обстоятельства, не дающие погаснуть искре вдохновения, дать простор для деятельности, которая её разжигает. В отношении последнего нынешняя общественная система наиболее дефективна. А лучше ли будет при социализме?

Не думаю, что можно ответить без уточнения, о каком именно социализме речь: в некоторых своих формах социалистическое общество подействует даже более разрушительно, нежели капиталистическое; в других следует ожидать лучшей ситуации. Влияние социализма сказывается на трёх сторонах творчества: на обучении технике процесса, на свободе следовать творческому импульсу, на возможности пользоваться признанием публики, пусть и небольшим.

Мы можем удалить из обсуждения личностные и нематериальные предпосылки, под влиянием которых одни эпохи становятся великими, а другие — бездарными:

не вследствие их неважности, а вследствие их малопонятности, мешающей строить на их основе какие-либо экономические и политические рекомендации. Три оговоренных условия творчества являются наиболее заметными, чтобы их учёт оказался полезным или вредным с точки зрения современного знания. Ими и ограничимся.

Творческая подготовка. Что в науку, что в искусство путь лежит через одно из двух обстоятельств. Надо либо родиться в богатой семье, способной содержать будущего гения на время получения им образования; либо в самом раннем возрасте проявить настолько много таланта, чтобы жить стипендией до поры, когда человек станет зарабатывать своё существование. В последнем варианте приходится всецело полагаться на удачу, что не пройдёт ни при какой форме социализма, упорядочивающего всякую прибыль, — апологеты капитализма подчёркивают это как серьёзную утрату и, думаю, справедливо. Но богачи из первого варианта не просто малочисленны, а и не всегда более одарённые по сравнению с менее везучими ровесниками. Если преимущества обеспеченных талантов расширить, хотя бы с грехом пополам, на всех, кто способен плодотворно работать в науке или искусстве, это дало бы верный результат и сократило бы бесполезную трату природных дарований. Другой вопрос, как это осуществить?

Соревновательная система начисления стипендий, хоть и лучшая, но всё же плохая. Она воспитывает соперничество в работе молодёжи; приучает узнавать лишь то, что поможет на экзамене, а не то, что важно или интересно душе; при этом вознаграждается способность к поверхностным ответам на ряд вопросов, а не способность к малозаметному длительному преодолению теоретических затруднений. Что, наверное, хуже всего этого, так именно перенапряжение в юности, приводящее к утрате учебного запала, интереса к предмету по мере взросления. Именно это притупляет остроту восприимчивости к науке.

При диктатуре пролетариата экзаменационную состязательность очень легко обострить, отчего ущерба будет на порядок больше. Госсоциалисты склонны умиляться бюрократическими идеалами: организованностью, аккуратностью, любовью к учёту и статистике, поощрением трудолюбия и повышенной экономностью. Такие люди начнут отстаивать, что бесплатное высшее образование слишком дорого обходится обществу, а толк даёт только при обучении исключительно способных. Значит, нельзя учить кого попало, надо учить лишь обещающих наибольшую пользу. Данная риторика вызывает к практическому рассудку, и отвечать на неё очень сложно. Всё же бунт против последствий соревновательности составляет основу социалистического протеста, и хотя бы только это должно побудить к поиску лучшего решения.

Гораздо более простым и по-настоящему эффективным решением будет бесплатность образования для людей обоёго пола до достижения 21-летнего возраста. До этого возраста большинство людей будут сыты учёбой по горло и предпочтут зарабатывать деньги — так сработает отбор тех, кто мотивирован потратить годы на удовлетворение своих интересов. Среди отобранных по наклонностям наверняка окажутся все, кто достаточно одарён. Несомненно, в их рядах затесаются студенты менее способные: не только тот, кто хорошо рисует, мечтает стать художником. Но и этот балласт общество вынесет без ущерба для себя, ведь их будет несоизмеримо меньше, чем сейчас, когда в заведениях держат богатых лентяев. Всякая политика, борющаяся с подобными тратами, должна привести к ещё большему убытку от вы-

плёскивания ребёнка из ванны вместе с водой. Бесплатное образование до любой степени для всех желающих — это единственная система, которая совместима с принципами свободы и которая даёт обоснованную надежду на полнейшее использование дарований. Предложенная система равно осуществима при социализме и при анархии; теоретически она не противоречит и капитализму, но по духу слабо с ним совместима без коренного преобразования экономики. Это может использоваться и в социалистической пропаганде, ведь сколько талантов вырождается в низших классах.

Свобода творческого самовыражения. Если учёба пошла человеку впрок, его способности лучше всего проявляются при полной свободе следовать своим наклонностям; делать то, что кажется ему хорошим безотносительно к «авторитетному мнению». В наш век это достижимо либо личными средствами, либо заработками, не отнимающими всех сил человека. При социализме все личные средства будут экспроприированы, и если это не повредит культуре, то хотя бы увеличит шансы большому числу талантов. Те, кто использовал частную собственность на творчество, немногочисленны, но очень важны: это Мильтон, Шелли, Китс, Дарвин. Вряд ли бы они сделали настолько большой вклад в культуру, если бы им пришлось зарабатывать на жизнь. А Дарвина даже из преподавательского штата исключат за его скандальные теории.

Тем не менее огромное число творческой работы осуществлено по совместительству с нетворческим трудом. Научно-исследовательская работа совмещается, в основном, с преподаванием. Против этого глупо протестовать, ведь преподавание забирает не так уж много времени, да и наука органически совместима с научением. Те же преимущества для композитора, отправляющего функции исполнителя, хотя без исполнения ему придётся либо владеть капиталом, либо потворствовать обывательским вкусам. В области изобразительного искусства обычно непросто держаться на плаву с той же потребностью либо в совершенстве, либо в посторонней работе. Это одна, но не единственная причина, почему наука лучше процветает, чем искусство.

Социалистическая бюрократия найдёт простой выход из этих проблем. Из знаменитых авторов и учёных она сформирует орган, который будет оценивать творчество молодёжи и выдавать лицензии на всё, что им понравится. От лицензированного творца потребуются исполнение долга перед обществом — обязательного выполнения плана шедевров и открытий в удовлетворительном для жюри качестве. Со временем творец сам станет членом жюри, которое успеет убедиться в правильности, стандартности и следовании традиции со стороны кандидата. Не заслужившим лицензии придётся зарабатывать чем-то другим. Эта политика лучше всего соответствует государственному социализму.

В таком мире не будет места ничему, что лояльно к другу красоты. Искусство возникает из дикой, анахистской части человеческой природы — автора и чиновника всегда разделяет взаимная вражда. Испокон веков кажущийся бесполезным творец выигрывает у бюрократа битву за сердца человечества, жизнь которого он освятил праздником. Если творческий хаос в душе творца подчинится порядку добродушного и безмозглого чиновника, то исчезнет радость жизни и самый порыв к существованию оборвётся. Наше настоящее с его ужасами стократно лучше мумифицированного светлого будущего. Рискованная анахистская авантюра неизмеримо

прекраснее социалистической государственности, укладывающей в прокрустово ложе всё, что ценно спонтанным и вольным. В страшном сне художники и эстеты видят установление социалистического идеала, однако в сущности он искусства не отменяет, только подвергает опасности. Уильям Моррис был социалистом во многом потому, что был художником, и в этом оставался рациональным.

Невозможно процветать творчеству там, где творец должен доказывать свои способности авторитетному органу, чтобы ему разрешили следовать за вдохновением. Всякий большой художник почти уверен, что не пройдёт комиссию из общепризнанных экспертов. Творчество с оглядкой на вкусы старших само по себе враждебно вольному новаторству, не говоря уже о сложности так творить. А борьба за разрешение будет питать зависть, клевету и интриги, превратит культуру в банку с пауками. Единственное, что даст запланированное творчество, — это устранение плутов. Творить можно только на свободе.

При правильном социализме художник способен сохранить свободу двумя способами.

1. Можно кормиться нетворческой работой по несколько часов в день и получать за неё меньше, чем получают отработывающие полную смену. В оставшееся время сбывать свои работы всем желающим. Подобная система имеет много преимуществ. За каждым останется право на творчество при условии согласия на некоторые лишения. Кого хлебом не корми — дай порисовать, это ничуть не отпугнёт, зато наверняка отсеет дилетантов. В наш век многие начинающие художники добровольно морят себя нищетой, которую можно значительно смягчить сокращением рабочего дня при социализме. Некоторые сложности даже показаны для оценки тяги к искусству и степени удовлетворённости человека его деятельностью.

2. Другая возможность открывается, если каждому человеку бесплатно и в равной степени поддерживают его существование независимо от того, как он работает (смотри §4). У анархистов человеку разрешается и вовсе не работать, а жить на, скажем, тунядский оклад, достаточный для жизни, но недостаточный для удовольствий. Если художник хочет посвятить всё своё время творчеству, ему тунядский оклад очень подходит. У кого интерес к другим странам, тот может ходить пешком, наслаждаться свежим воздухом и ясным солнышком, уподобляться перелётным птицам, быть лишь ненамного менее счастливым. Подобные Максимы Горькие расцветят однообразную жизнь общества, поделятся своим мировоззрением, которого нет у стабильных домоседов, привнесут в нашу убийственно трезвую и серьёзную цивилизацию значительно более необходимый элемент безопасности. Если подобных людей чересчур прибудет, они могут стать бременем трудящихся, однако мне не кажется, что найдётся много чудаков, способных наслаждаться свободной бедностью вместо несложного, приятного и проплаченного труда.

Оба этих выхода позволяют совместить свободу творчества с социалистическим достатком, причём свобода будет полнее и распространённое, чем доступна сейчас без капитала.

Но всё равно останутся определённые затруднения вроде книгоиздания. Социализм не потерпит частных издательств, а оставит единственного издателя в лице государства; синдикалисты и гильдеисты тоже собираются сформировать Издательскую федерацию, контролирующую всю эту профессию. И кому при этом решать, что

заслуживает прочтения? Мы напрашиваемся на риск, куда более серьёзный, нежели Индекс запрещённых книг. Социалистическое государство наверняка не пропустит в печать литературу, критикующую государственный социализм. А если последнее слово оставить за Издательской федерацией, можно ли надеяться на популяризацию идей, не согласных с такой системой? И почему бы аналогичную цензуру не предвидеть в уже обсуждавшихся трудностях служителей изобразительного искусства? Проблема остра и не будет иметь разрешения без освобождения литературы.

Кропоткин, который верит в совмещение ручного и умственного труда, считает, что литераторы должны сами быть наборщиками, переплётчиками и прочими полиграфическими работниками. Чуть ли не весь производственный цикл книги должен быть осуществлён её автором. Впору засомневаться, что полиграфическая промышленность напасётся авторами, да и в любом случае им не стоит отнимать время от литературной деятельности ради труда, который лучше и быстрее выполняется кем-то другим. Это, конечно, не затрагивает наш вопрос о допуске рукописи к публикации. Кропоткин предлагает цензуру Писательской гильдии, если таковая вообще совместима с анархией. Гильдейская комиссия будет отбирать из предложенных рукописей наиболее достойные. Разумеется, что рукописи попадут туда по благу, и автору придётся набирать книгу конкурента, да ещё и расхваливать, чтобы добиться признания. Вряд ли тут можно ожидать гармоничного сочинительства и нетрадиционных публикаций. Книги того же Кропоткина при подобной системе так рукописными и останутся.

Единственным способом противостоять этим затруднениям — что при социализме, что при нацгильдиях, что при анархии — мне представляется оплата публикации автором, если гильдия или государство отказываются делать это за свой счёт. Понятно, что это не в духе социализма, но ничего другого в поддержку свободы я предложить не могу. Оплата может осуществляться исполнением каких-нибудь трудовых обязанностей или долей властей в прибыли от публикации. Отрабатывать можно по-кропоткински в ручном полиграфическом производстве, что, на мой взгляд, не обязательно. Должно действовать непререкаемое право каждой книги на печать независимо от её содержания, если за это оплачена такса. Обласканный славой писатель может пользоваться средствами своих почитателей. Малоизвестному же автору придётся затянуть пояс, но зато отсеются те, в ком желание поделиться своими идеями не настолько сильное. Это ни в коем случае не плохо.

Возможно, такая же политика будет хороша в публикации и исполнении музыкальных произведений.

Ортодоксальные социалисты наверняка воспротестуют против наших предложений, предполагающих плату частного лица за чей-то труд. Но глупо оставаться рабом какой угодно системы, ведь любая система при жёстком исполнении может перегнуть палку. При специфической острой необходимости перегибов нужно избегать. Служителям искусства и науки умный социализм предлагает несоизмеримо больше возможностей, чем капиталистическое общество, но только лишь в случае, если форма социализма предусматривает эту конечную цель и движется к ней только что предложенными методами.

Право на оценку. Это условие не всегда, но часто кажется творцу обязательным. Речь идёт не о восторге толпы и не о слепом полуискреннем уважении к успеху, что

равным образом бьёт мимо цели. Речь идёт о понимании, мистическом осознании ценности прекрасного. В нашем сплошь продажном обществе талант измерим количеством денег, которое он приносит, однако коммерческое искусство пользуется не слишком большим почётом. Можно испытывать пиетет к миллионеру, но не к одёжным крючкам или жевательной резинке, которые приносят ему доход. Если творец богатеет, он тоже заслуживает уважения, однако для публики его картины и книги — всё те же крючки да жвачка. Очень сложно сохранить творческий запал в подобной атмосфере, при успехе развращающей, без успеха озлобляющей.

Признать автора не настолько важно, как признать искусство. Очень сложно творцу жить в обществе, которое всё оценивает по полезности. Лучше всего искусство расцветает при, сказать, беспристрастности, способности прямого наслаждения внутренней ценностью предмета без оглядки на то, что будет завтра. Тому, кто наслаждается шуткой, не нужно доказывать, что она для чего-то нужна. Такова же суть всякого другого искреннего наслаждения шедевром. Борьба за существование, тяжёлый труд воспитывают серьёзность и заикленность на проблемах, что мешает воспринимать юмор и искусство. Ожидаемые от лучшей экономической системы смягчение внутривидовой борьбы, сокращение рабочего времени, облегчение существования работников не может не обострить вкус к жизни и восхищение окружающим. А случись такое, и можно ожидать стихийного наслаждения красивыми вещами, в том числе и сделанными художниками. Однако ничего подобного нельзя ожидать от одного лишь устранения бедности: требуется распространение чувства свободы, отсутствие чувства угнетения вольного индивида. Я ничуть не ожидаю чувства свободы при диктатуре пролетариата, но некоторые другие формы социализма, которые из теории безвластия заимствуют лучшее, смогут развить это чувство в большей степени, чем способен капитализм.

Смысл прогресса и вовсе состоит в стимулировании творчества, поэтому очень многое (не только материальное) будет зависеть от ускорения темпов смены технологии производства и сельского хозяйства, что уже происходит в последнее столетие. Интерес к усовершенствованию орудий труда станет ещё более осознанным по мере участия в распределении продукции. Но мало кто станет увлекаться техническими новинками так, как увлечены нынешние капиталисты. Если природный консерватизм трудящихся окажется сильнее заинтересованности в повышении выработки, при внедрении новой технологии лучше хотя бы отчасти удержать их от неё в пользу изобретшего её рабочего. Выполнением этого условия можно обеспечить ежеминутную охоту нацгильдий за новыми изобретениями, признание ценности прикладных научных исследований. К каждой инновации будет предъявлен вопрос о возможностях уменьшения рабочего дня или увеличения продуктивности. Чем больше техника обещает досуга, тем надо ожидать знатоков науки и ценителей искусства. Отчуждения творца от обывателя станет намного меньше, чем в наше время, и это неизбежно возбудит вдохновение.

Не думаю, что мы покривим душой, если с учётом этих трёх требований откажем государственному социализму в возможности уврачевать язвы современной культуры; если признаем, что он изъязвит культуру ещё больше. Но при этом гильдеизм и даже синдикализм (при условии потачки неполным сменам) сослужат немалую услугу всему, чем хорош капитализм. Есть определённые риски, но их можно преду-

предить адекватным признанием ценности свободы. Этим, как и почти всем прочим, обеспечивается наилучший путь к свободе.

8. Мир, каким его можно сделать

В повседневной жизни многих людей страх играет куда большую роль, чем надежда. Люди полны опасениями за собственность, забывая наслаждаться тем, что можно сделать в своей судьбе, и тем, как можно войти в контакт с чужой судьбой.

Мы существуем не для того, чтобы существовать так.

Живущие плодотворно для себя, для своих друзей и для всего мира вдохновлены надеждой и обнадёжены радостью: они воображают себе возможное и способы его достижения. В личных отношениях они не поглощены тревогой потерять уважение и расположение, любовь и почтение они дарят бесплатно и никогда не ищут вознаграждения, которое и так всегда приходит. В своей работе они не тяготятся завистью соперников, а все мысли посвящают предмету труда. В политике они не тратят времени и эмоций на апологию несправедливых привилегий своему классу или своему народу, а пытаются сделать счастливым весь мир; снизить жадность, конфликтность, жестокость человечества; обеспечить рост вырождающимся жертвам угнетения.

Такая жизнь, одухотворённая стремлением к творчеству, а не к собственности, содержит в себе некоторое основополагающее счастье, которое не полностью устранимо неблагоприятными обстоятельствами. Указанный образ жизни предлагают евангелисты и прочие великие учителя. Те, кто этого достиг, свободны от власти страха, ведь самое ценное в их жизни не зависит от милости внешних сил. Если бы все люди собрали в кулак свою смелость и такое виденье мира, не дали бы себя деморализовать и разочаровать, то совсем не потребовалось бы никаких политических и экономических реформ, которые автоматически приложатся к преобразению каждого человека и не встретят никакого сопротивления. Но даже после того, как весь мир стал называть себя христианским, всё равно истинные последователи Христа подвергаются гонениям. Опыт показал, что лишь немногие способны помогать изгоям ради счастья проявить свои убеждения и подпитать свою творческую надежду. Для преодоления страха недостаточно воспевать мужество и безразличие к страданиям — очень важно устранить причины страха; прожить хорошую, а не успешную в плотском смысле жизнь; предупредить ущерб неосторожным.

Изучение известных нам зол подталкивает к мысли, что все они бывают трёх разновидностей.

Во-первых, это пороки природы вроде смерти, боли и малопродуктивности почв.

Во-вторых, пороки характера или способностей жертвы, например, безграмотность, безволие, агрессия.

В-третьих, пороки, зависящие от власти одной личности-группы над другой личностью-группой. Речь не только об отъявленной тирании, но также о препятствовании свободному развитию посредством насилия либо внушения.

Всякую общественную систему необходимо оценивать по выраженности этих трёх разновидностей зол.

Вдобавок между ними нет чёткой грани.

Чисто природный порок представляет собой такое ограничение, что мы никогда не можем быть уверены, что его преодолели: ту же смерть устранить невозможно, однако наука позволяет её отсрочить и довести большинство людей до старости; нельзя перестраховаться от боли, но её можно уменьшить при помощи здорового образа жизни; мы не дождёмся в бездействии каких-либо плодов от грунта, однако сам труд можно сократить и лучше обусловить.

Что касается моральных пороков, то они часто результат психического отражения пороков природных, проявляющегося в виде болезни, но также властных пороков, ведь власть портит и сверхчеловека, и ничтожество.

Да и властные пороки обостряются душевными пороками властелина, также естественными пороками, которым подвержен ни на что не влияющий человек.

Таким образом, все разновидности зла друг с другом переплетены. Но в общем говоря, при той или иной неприятности мы можем выделить ближайшую материальную причину, найти проблему в нас самих или обвинить сложившиеся отношения.

Основной управой на эти пороки являются: для природных — естествознание; для душевных — педагогика и свобода следованию позывам, не подразумевающим доминирование; для властных — экономические и политические реформы, позволяющие свести к минимуму влияние человека на жизнь другого человека.

Мы начнём с третьей разновидности зол, поскольку социализм и анархизм разрабатывались для устранения именно их. Эти две идеи выражают протест против неравенства в благах, порождающего, как им кажется, неравенство в силе. Эту точку зрения прекрасно выразил Дж. Коул:

«Что, хочется спросить, лежит в основе порочности нашего общества и подлежит устранению?»

На этот вопрос возможны два ответа, и я уверен, что очень многие ориентированные на благо люди выйдут на ответ неправильный. Скажут, что бедность, когда надо указать на рабство. Сталкиваясь ежедневно с постыдным контрастом роскоши и лишений, чрезмерных дивидендов и копеечных зарплат; с мучительным осознанием бесполезности от благотворительности — что частной, что общественной — так естественно потребовать устранения бедности.

Прекрасно! Вольному воля! Социалисты тоже с Вами, даром что и они отвечают неправильно.

Ведь бедность лишь симптом, а болезнью является рабство. Крайности излишеств и нищеты неизбежно следуют за крайностями привилегий и подчинения. Не по бедности поработают, а беднеют от порабощения. А социалисту лишь бы смаковать материальные лишения, но только не осознать, что они основываются на духовной деградации рабов».

Не ожидаю услышать умного человека, который сомневается, что современная бедность важна или что её можно значительно уменьшить правильной разновидностью социализма. Горстка счастливицков свободно существует на ренту или дивиденды и вряд ли получит больше свободы при любом другом общественном строе. Но всё

равно огромное большинство не только нищих, а и сравнительно обеспеченных трудящихся и даже специалистов ради денег находятся на положении рабов. Мало кому не приходится работать настолько тяжело, что не видеть и свободного часа на удовольствия или любительскую деятельность. Многие пенсионеры средних лет страдают от скуки, так и не научившись наполнять своё время, дав когда-то умереть своим интересам. И таким ещё повезло: большинство пашет до самого одряхления, посвящая свою жизнь страху обнищать; более стабильные постоянно боятся невозможности оплатить учёбу или лечение их детям; самые же невезучие никогда не наедаются досыта. И почти все, кто работает, никак не могут влиять на свою деятельность — они на долгие часы превращаются в автоматы, управляемые их начальством. Работа протекает обычно в самых гнусных условиях, болезненных и болезнетворных. И всё это единственно ради заработка, ведь сама идея, будто подобный труд может быть приятным, что работа артиста, отвергается как бесплодная утопия.

Всё-таки огромнейшая доля подобных зол не является необходимой. Если цивилизованной части человечества внушить желание своего счастья, а не чужой боли; желание трудиться на улучшение жизни человечества, а не на предотвращение развития чужих классов и наций, то одного поколения хватит, чтобы преобразить сущность и проявления современного труда.

Какая же система наисвободнейшая? В какую сторону надо желать прогресса?

Отвлекаясь от прочих соображений, я не сомневаюсь в проекте, не слишком отдалённом от кропоткинского, но отдалённом из соображений практичности в сторону основ гильдейского социализма. Ввиду спорности каждого момента предлагаю картину наилучшей организации труда без доводов.

Образование должно быть принудительным до возраста 16 лет, а то и большего. После этого возраста учёба должна быть добровольной и бесплатной как минимум до 21 года. Когда образование завершено, ни в коем случае нельзя принуждать к работе. Того, кто работать не захочет, следует обеспечить минимальными средствами к существованию и оставить абсолютно свободным; однако, наверное, будет хорошо при общественных стереотипах в пользу труда, чтобы только считанные единицы предпочли тунеядство. Преимущество экономической допустимости тунеядства большое и состоит в подслащении труда, без чего ни одно общество не может претендовать на решение экономических проблем. Думаю, не будет глупым предсказать небольшой процент тунеядства в подобном обществе, ведь даже в наш век как минимум $\frac{9}{10}$ всех рантье, получающих $100^{\text{Е}}/\text{год}$, предпочитают повысить свой доход за счёт заработков.

Говоря же о подавляющем трудящемся большинстве, я предполагаю, что успехи естествознания вкупе с отменой внутренней и международной соревновательности обеспечат снижение количества рабочих часов до четырёх в день. Опытные работодатели уже обратили внимание, что за шесть часов трудяги производят столько же, сколько за восемь. При более грамотном инструктировании будет заметна та же самая тенденция. Людям станут давать более одной специальности, чтобы они могли избегать сезонной безработицы и лавировать на рынке труда. Каждая отрасль народного хозяйства будет автономной, что все вопросы, касающиеся только работников отдельной фабрики, будут решаться исключительно этой фабрикой. Не будет буржуазной вотчины, а только выборное представительное руководство рабочих,

как в политике. Отношения между различными группами производителей будут регулироваться Конгрессом национальных гильдий, вопросы же местного населения будут по-прежнему в компетенции парламента. Разногласия между парламентом и тем Конгрессом должны разрешаться специальным органом, половина мандатов которого будет принадлежать представителям первого, а половина — второго.

Оплачивать будут не труд, а готовность к труду. Подобная система действует уже сейчас на хорошооплачиваемых должностях, когда человек занимает определённое место и держится на нём, даже когда работать не над чем. Кошмары на тему увольнения и голодной смерти не будут больше тревожить сон. Вопрос, платить ли всем потенциальным трудящимся одинаково или по навыкам, надо оставить на усмотрение каждой гильдии. Оперный певец, получающий не больше, чем работник сцены, может служить работником сцены, пока не изменится система. Но даже если выставить это гильдии на голосование, вряд ли кто останется в обиде.

Как бы ни было возможно подсластить труд, необходимо осознать, что некоторые профессии так и останутся неприятными. Привлекать к ним нужно повышенной оплатой или заниженной продолжительностью рабочего дня, избегая голодного принуждения к работе. Общество будет экономически мотивировано в поисках способов устранения отвращения к некоторым профессиям.

Деньги в той или иной форме необходимо сохранить. Анархистское распределение всей валовой продукции в равных порциях не отменит необходимости в обменном эталоне стоимости, ведь люди будут желать доли в разных вещах. Когда начнут распределять предметы роскоши, старушки не захотят своей доли в сигарах, а молодые люди — в болонках. Придётся как-нибудь узнавать, сколько сигар стоит одна собака. Простейшим выходом останется нынешняя система оплаты дохода деньгами как средством измерения стоимости и оценки спроса. Однако давая человеку копейку, он может положить её в копилку и стать капиталистом. Чтобы этого не было, необходимо платить документами, действительными до определённого срока, скажем, один год. Подобная система позволит откладывать деньги до какого-нибудь праздника, но не до обогащения.

Очень много нужно сказать по поводу анархистского распределения предметов первой необходимости бесплатно благодаря несложному обеспечению возможного спроса. Вопрос о допустимости подобного проекта чисто технический: возможно ли принять его без излишних трат и неизбежного отвлечения от производства благ или дешевле оставить всё, как есть? У меня нет материалов для ответа, но предвижу повышенную вероятность улучшения технологии производства, открывающего возможности и необходимость в выполнении анархистских проектов.

Труд домохозяйек должен быть оплачиваемым — так будет обеспечена экономическая независимость женщин, которую другими путями достичь сложно, ведь матери вне дома особенно не поробуют.

Расходы детей не будут, как сейчас, падать на карманы их родителей. Наравне со взрослыми они будут обеспечиваемы прожиточным минимумом при бесплатно-

¹³ Некоторые опасаются от этого чрезмерного повышения рождаемости, но я не вижу оснований для таких опасений. Смотрите §4 настоящего сочинения и главу 6 книги Принциплз ф Соушл Ркн-стракшн.

сти образования¹³. Не будет больше нашей битвы за стипендию, ничто не станет с пелён воспитывать соревновательность и неправильное использование мозгов, после чего остаётся вялость ума и недостаток здоровья. Образование станет намного более разнообразным, будет приложено множество усилий приспособить учёбу к различным характерам учеников. Больше будут стараться поощрить инициативу, меньше — набить головы общественными аттитюдами, пригодными разве что для обслуживания государства и сохранения статуса-кво. Для широких масс несовершеннолетних наверняка будет предпочтительна учёба на свежем воздухе. Кто постарше и не заинтересован в идеях и образах, тому пойдёт впрок техническое образование в либеральном духе — это намного лучше разбудит мысль, нежели зубрёжка книг и донесение знаний до стола экзаменатора. По-настоящему полезным будет лишь такое образование, которое следует за инстинктивными интересами ребёнка, насыщает искомыми знаниями, а не сухими подробностями, не соответствующими спонтанному любопытству.

Власти и праву по-прежнему будет место в нашем обществе, но оба будут сведены к минимуму. Никуда не денутся запрещённые деяния вроде убийства, но при этом чуть ли не все имущественные законы станут ненужными, а многие мотивы к убийству — неактуальными. Если кто всё равно будет нарушать закон, его не будут упрекать или признавать плохим — скорее несчастным, подлежащим содержанию в психбольнице до поры, пока человек не перестанет казаться опасным. Образование, свобода и отмена частного капитала значительно снизят преступность. Перевоспитание нарушителя позволит первый проступок оставить последним, душевнобольным же полагается более продолжительный, хоть и не менее ласковый плен.

Власть предполагается оставить двойной: законодательной и исполнительно-судебной. Против первой анархисты не возражают, что же касается второй, то она останется на втором плане, как и в любом цивилизованном обществе: противники нового законопроекта обычно смиряются с его принятием, ведь сопротивление становится бесполезным. Это происходит при возможности государству применить силу, что отпугивает от необходимости в этом. Выполни мы требования анархистов и устрани государственное принуждение, как подтолкнём большинство к объединению и насилию над меньшинствами. Разница лишь в том, любительская милиция будут создана по ситуации, не отличаясь ни постоянством, ни профессионализмом. В итоге каждому придётся уметь драться на случай, если какое-нибудь меньшинство досилится до восстановления олигархического государства. Так что цели анархистов едва ли достижимы анархистскими методами.

Властные жестокости в человеческих делах — что внутренних, что международных — можно предупредить только такой, видимо, властью, которая способна объявить вне закона всякое использование силы не ею, сделать бесполезным всякое использование силы не ею, когда сила не поддерживает общественное мнение в сторону свободолюбия и справедливости. В пределах одной или нескольких стран подобная власть отправляется государством, однако в международном масштабе эту власть ещё предстоит создать. Трудности на этом пути огромны, но если мы желаем спасения от циклов всё более разрушительных войн, выход найти всё равно придётся. Сложно гадать, насколько Лига наций будет создана после нашей войны и насколько изложенная миссия будет ей по плечу. Но, возможно, предложат какую-нибудь мето-

ду предупреждения войн ещё до того, как наша утопия станет достижимой. Стоит человеку поверить, что мир защищён от войн, как проблема станет решена: не останется никакого серьёзного сопротивления разоружению, расформированию армий и флотов, замещению их небольшими войсками для защиты от нецивилизованных племён. На этой именно стадии мир и будет закреплён.

Раскритикованная анархистами диктатура большинства по сути открыта для их возражений. Самой сомнительной остаётся исполнительная власть над всем, что влияет на общечеловеческое счастье, например на вопросы войны и мира. Однако ни одна проблема не снимается за мгновение. Есть два способа ослабить ущерб от этого.

1. Диктатуру большинства можно ослабить перепоручением части общества решения вопросов, касающихся только этой части. Тогда отпадёт принуждение к исполнению скороспелых решений, принятых теми, кто не разбирается и не заинтересован в вопросе. Должна быть предоставлена автономия во внутренних делах не только аборигенов, а и прочих групп вроде церкви или отраслей промышленности, которые объединяют важные интересы, не разделяемые прочими членами всего общества.
2. Гипертрофирование исполнительной власти современных государств, в основном, обусловлено частой потребностью в быстрых решениях, особенно для международных вопросов. Будь риск войны практически устранён, открылась бы возможность ввести более неуклюжие, но и менее тиранические методы управления. Законодательство смогло бы пресечь некоторые неправомерно установленные типы власти.

Этими двумя методами помехи свободе со стороны государства можно постепенно уменьшать. Некоторые помехи, даже опасности свободе вытекают из самого существа власти и исчезнут только с ней. Но до тех пор, когда люди станут менее склонными к агрессии, определённое государственное принуждение будет оставаться наименьшим из зол. Мы в свою очередь надеемся, что при устранении риска войн человеческое побуждение к жестокостям будет постепенно снижаться настолько, насколько будет возможно устранить власть человека над человеком, ради сохранения которой оправданно любое зверство. Строительство мира, в котором даже государственное насилие станет ненужным [для псих(олог)ически здоровых¹⁴], должно идти постепенно, и именно постепенным это возможно. Когда великое строительство

¹⁴ Примечание переводчика. Рассел не видит опасности использования психиатрии в политических целях, о котором нельзя научиться одним примером из XVIII века. Антипсихиатрическое движение начнётся лишь через полвека после написания этой книги. Только перед самой смертью Рассел мог узнать об ужасах советской карательной психиатрии, подвергающей лечению всех, кто не согласен с социалистическим государством. Дело в том, что дефиниция душевного здоровья разными нозологами сочиняется не просто по-разному, а зачастую невразумительно или вовсе противоречиво. Поэтому всякое инакомыслие можно запросто диагностировать как бредовый синдром, всякую борьбу за свои права — как опасный для общества негативизм. Психиатрия даёт мощный толчок также для дискриминации сексуальных меньшинств и для устранения детского непослушания. Никакая свобода не может быть совместима с тиранией здоровых людей и угнетением больных, а уж тем менее — с возможностью правящих групп населения объявлять вне здоровья всякую оппозицию.

наконец-то будет окончено, мы увидим торжество принципов анархизма, воплощённых в руководстве обществом.

Но как наши экономическая и политическая системы общества поспособствуют устранению душевных зол? Ведь результата я ожидаю самого поразительного.

Суть в том, что процесс отвлечения мысли и воображения человека от использования силы значительно ускорится устранением капиталистической системы (но никак не установлением социалистического государства, при котором чиновники сосредотачивают в своих руках огромную власть). В наше время капиталист может распоряжаться жизнью людей больше, чем это пристало кому бы то ни было; его друзья руководят государством; его экономическая власть становится прообразом власти политической. Если вообразим общество, в котором каждый экономически свободен, то мы не увидим там привычки распоряжаться и, соответственно, воли к власти — начнёт преобладать смиренная порода людей. Человека воспитывают обстоятельства, он не рождается собой, поэтому развращение личности современной экономической системой даёт сильнейший довод в пользу обобществления частной собственности.

В нашей утопии не должно быть экономического страха и экономических надежд. Ни над кем не будет нависать риск нищеты, а шанс разбогатеть не заставит идти по трупам. Не станет пропасти между классами: неудачнику не нужно будет опасаться за статус его детей, счастливику не придётся надеяться когда-нибудь стать эксплуататором. Мечтать молодёжи останется о чём-нибудь не связанном с бизнесом. Но и в подобном мире, свободном от полусознанных ужасов, всё равно найдётся место амбициям, хоть и удовлетворимым в более благородных, некоммерческих видах деятельности. Которые дают выгоды всем людям, а не только удалым да удачливым. Во всех областях знания и практики можно ожидать научно-технического прогресса более глубокого, нежели в наше время, ведь и через них будет достигаться уважение людей, призванное подменить общественное уважение к богатству, на которое падка амбициозная молодёжь. Насколько следует ожидать расцвета искусств, зависит от формы социализма: если последний допускает власти к контролю культуры и лицензированию законодателей творческих традиций, то быть беде. Но если каждый претендент на творчество будет свободен следовать своему позыву в ущерб своему же комфорту, можно надеяться, что экономическое принуждение к нетворческому труду сохранит художественные амбиции и обеспечит меньшую трату талантов, чем в наше время.

Удовлетворившему базовые потребности человеку для настоящего счастья необходимы две вещи: деятельность и отношения.

В нашей утопии труд не будет ни оплачиваемым, ни излишним, зато одухотворённым тем интересом, который уместен в коллективном предприятии при быстром его развитии и некоем минимальном подобии радости творчества.

Отношения обогатятся не меньше, чем трудовая деятельность. Единственно ценны лишь те отношения, которые основаны на взаимной свободе без доминирования и рабства; когда люди если и связаны, так только любовью; когда нет ни экономической, ни юридической необходимости диссимулировать мертвенность внутренней жизни. Чуть ли не самое ужасное в коммерциализации — это отравление ею отношений между мужчиной и женщиной. Все сознают зло проституции, однако

экономические предпосылки бракосочетания кажутся мне даже худшими. Нередко свадьба обещает выгоду, покупку невесты на условиях поддержания её материального благополучия. Часто бракосочетание если и отличается от проституции, то разве что затруднительностью побега. Это зло имеет экономическую базу, сводящую брачные отношения к уровню сделки, при которой чувства на втором плане, а если их нет, то это не достаточный повод для расторжения договора. Брачные отношения должны быть свободной, непринуждённой встречей двух инстинктов, не чуждой некоторого благоговения и взаимного уважения, исключающего возможность несвободы. Брак не создаётся юристами, марающими книги РАГС, и он не таинство в церкви, освящающей грубую похоть мужнина пьянства. Не может быть свободы в том, как представляют себе брак современные юноши и девушки: это просто законная потачка мешающим, лицензия человеку лишить кого-то свободы за счёт собственной свободы. И никакой более светлый идеал не будет уместен в условиях частной собственности.

Человеческие отношения начнутся с устранением позорного наследия экономического рабства, ведь мужчину и женщину, родителей и детей связывает также любовь, без которой отношения не заслуживают сохранения. А поскольку привязанность будет свободной, в жизни пар не будет выхода и побуждения для воли к власти, зато всё творческое, что есть в любви, найдёт своё вольное развитие. Уважение к объекту любви будет возносить душу на более высокий уровень, чем у современных мужчин, для которых жена сродни хорошему куску баранины. Уважительность в любви даёт удовольствие совсем другого порядка, чем превосходство, — удовлетворение духа, а не одних инстинктов, что также необходимо для счастливой жизни и для наилучшего, что даёт принадлежность к определённому полу.

В идеальном обществе будет намного больше наслаждения жизнью, чем в мраке трагедии каждого нашего дня. По миновании первой юности многие люди озабочены завтрашним днём и лишаются беззаботной весёлости, которую вспоминают на заранее предусмотренные часы. Евангельский призыв «быть как дети» во многом подходит немалому количеству людей, но он ведёт к лозунгу: «не заботьтесь о завтрашнем дне», трудно выполнимом в нашем соревновательном обществе. Часто в людях науки, даже очень старых, сохраняется некоторая детская простота: они живут в мире абстракций, как в заповеднике, не имеющим ничего общего с реальным миром; уважение к ним заставляет общество оберегать их от выбора между невинностью и выживанием. Они добиваются того уровня жизни, к которому все люди должны быть способны, если бы не экономическая борьба.

И какого можно ожидать влияния нашего общества на физическое зло? Меньше ли будет болезней? Выше ли будет производительность труда? Расширит ли наше общество пределы существования, что Мальтус выдвигал против Годвина?

Думаю, ответ найдёт повышенная энергичность ума, не занятого экономической борьбой. Но, может, в таком мире люди как раз и будут бездеятельны, прекратят думать? Не будет ли тогда стена нерелексированного консерватизма ещё прочней? Вопросы очень важные и накладывают обязательства на естественные науки.

Если будут выполнены наши условия, то можно ожидать оздоровления населения. Люди перестанут тесниться в трущобах, дети получают больше свежего воздуха, работать не будут до одури.

Что касается научного прогресса, то он весьма чувствителен к интеллектуальной свободе в обществе. Если наука контролируется государством, она закосневает и гибнет. Нельзя будет сделать новый шаг, который ещё до того, как он сделан, станет казаться чересчур сомнительным, чтобы его оплатить. Власть сосредоточится в руках учёных старцев, нетерпимых к оспариванию их теорий. Социалистическая бюрократия не даст науке развиваться и опровергать авторитеты.

При более свободной системе, позволяющей задействовать столько учёных, сколько хочется; позволяющей искателю жить на тунеядский оклад и разрабатывать непризнанные теории, следует ожидать процветания науки, не мыслимого до сих пор (смотри §7). И если так будет, то можно не верить в природные препятствия на пути нашей системы.

Что касается продолжительности рабочих смен, необходимой для обеспечения всем материального комфорта, то это вопрос отчасти технический, отчасти организационный. Допустимо не верить в сохранение непродуктивного труда в военно-промышленном комплексе, рекламе, производстве дорогостоящих предметов роскоши или прочей тщете наших капиталистических джунглей. Сохрани за собой промгильдия на целые годы преимущества, хотя бы частичные, от инноваций, можно быть уверенным в максимальном поощрении научно-технического прогресса. Жизнь изобретателя или первооткрывателя сама по себе приятна — кто её принимает, тот редко следует экономическим интересам, а только заинтересованности в работе и славе. И эти мотивы заработают шире, чем в наше время, когда очень многим приходится отвлекаться на экономические дела. В мире, не мешающем инстинктам, но делающим людей жизненнее, а жизнь — приятнее, ум наверняка станет острее и плодотворнее.

Остаётся лишь демографический вопрос, который со времён Мальтуса служил последним убежищем для всех, кому не выгодно менять наш мир. Всё же формулировка вопроса за прошедшие сто лет изменилась. Спад рождаемости во всех цивилизованных странах, который явно продолжится при любой экономической системе, вкуче с учётом последствий войны заставляет сомневаться в достижении численностью западноевропейского населения слишком бóльшего, чем сейчас, значения. Население Америки скорее всего возрастет за счёт иммиграции. Негров в тропиках будет прибывать, но это никак не помешает белому населению умеренных поясов. Следует, конечно, ожидать жёлтой экспансии, но до времени, когда она станет серьёзной, численность населения скорее всего начнёт снижаться и в Азии. Если не снизится, найдутся другие средства — в любом случае угроза чересчур надуманна, чтобы отказывать себе в надежде на утопию. Я прихожу к выводу, что даже при нечёткости прогнозов нет смысла противопоставлять численность населения социалистским проектам.

Наша дискуссия довела нас до убеждения, что общественное владение землёй и капиталом является важным шагом на пути излечения язв нашего мира и на пути построения общества, которое каждый должен хотеть. Но самого по себе социализма недостаточно. В той его разновидности, где государство выступает работодателем, а народ получает от него зарплату, таится опасность тирании и мракобесия, ещё более страшных, чем при капитализме. С другой стороны анархизм обходит угрозы госсциализма, но взамен предлагает другие угрозы — вдобавок к тому, что безнача-

лие сохранить невозможно, хотя к этому надо стремиться. Возможно, когда-нибудь мы наконец заживём при анархии, но нескоро. Что касается синдикализма, то ему свойственны те же недостатки анархизма и та же безначальная нестабильность вследствие необходимости в центральном руководстве, ощутимой рано или поздно.

В целом, мы отстаивали гильдейскую форму социализма, уклоняясь в сторону анархистского идеала больше, чем это одобряют гильдеисты. Просто безвластие лучше всего подходит для сторон жизни, которые игнорируются политикой: искусства, науки, личных отношений и наслаждения жизнью. Именно ради этих вещей мы повелись на анархистские предложения вроде тунейдского оклада. Ведь всякую систему нужно оценивать по её внеполитическим и внеэкономическим влияниям не менее, чем по влияниям политико-экономическим. И если социализм когда-нибудь установят, его польза будет видна по нематериальным ценностям и достижениям.

Мир, который мы должны искать, будет родиной творчества, в которой жизнь — приключение, полное радости и надежды, основанное на стремлении создать, а не на желании сберечь своё или завоевать чужое. Счастье вытеснит всякую жестокость и зависть. В этом мире любви даётся полный ход, а инстинкту — очищение от властности и вольное развитие, наполняющее жизнь духовной радостью. И этот мир достигим, он ждёт только желающего его создать.

Тем временем мир, в котором мы живём, имеет совсем другие цели. Но он исчезнет, испепелит себя пламенем своих же страстей, чтобы из его развалин восстало новое и юное общество, полное свежей надеждой и впитывающее своими глазами рассветные лучи.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Бертран Рассел
Предложенные пути к свободе
1920

Скопировано 2018-05-03 с
http://samlib.ru/g/galaburda_k_e/predlozhennyeputikswobodehtm.shtml,
добавлены сноски по <https://www.litmir.me/bd/?b=262420>
Пер. с англ. К. Галабурда, 2015.

ru.theanarchistlibrary.org